

Плакат в окне Сиднея Брустайна

ПЬЕСА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод с английского

Г. ЗЛОБИНА и Н. ТРЕНЕВОЙ

Несколько лет назад мне позвонила одна моя приятельница и сказала, что она забыла о том, что такое душевный покой, после того как вывесила в окне плакат с призывом бороться против влиятельной тогда группы политиканов, окопавшихся в их районе.

Меня поразила взволнованность моей приятельницы. Это была абсолютно аполитичная дама, переселившаяся сюда с Запада, и ее манера произносить слова в нос как бы подчеркивала полнейшее равнодушие к житейской возне. Я никогда не подумала бы, что она способна ввязаться в острую политическую борьбу на арене большого города. Эта история захватила меня, потому что я воспитывалась на военных фильмах и реакция моей знакомой была точь-в-точь, как в кино военного времени: никакие угрозы не заставят ее снять плакат! Одним словом, моя знакомая с ее закалкой, унаследованной от предков-пионеров, и решительностью дойти до «самых верхов» оказалась на высоте. Я, естественно, тут же принялась за пьесу о том, как оклахомское упорство вступает в конфликт с елейным нью-йоркским конформизмом и побеждает его.

Но, как неизбежно случается с драматургами, за те годы, что я работала над пьесой, все в ней постепенно сместилось. Меня перестала интересовать чудаковатая приятельница, на каком-то этапе она вообще исчезла из пьесы, и ее место занял другой персонаж, который по мере того, как на первый план в пьесе выдвигалась проблема политической позиции, постепенно становился центральной фигурой. В результате долгих эволюций я дала ему имя Сидней Брустайн.

Пожалуй, самой животрепещущей темой для меня являются муки человека, делающего выбор, и это вполне естественно. Мне тридцать четыре года, а это значит, что я принадлежу к поколению, которое формировалось в вихре и взрывах послевоенного спора между Сартром и Камю. Фигура западного интеллигента, застывшего в нерешительности перед пламенем причастности,— точный образ некоторых ближайших моих друзей. Одни соревновались в прыжках — например, в коммунистическую партию и обратно. Другие мучительно искали высшего смысла жизни в потоке абстракций, бегущем из Лондона и Парижа. Третьи свихнулись на стезю исканий «осмысленного» отрицания всякого смысла в чем бы то ни было и соответственно обратились к зен-буддизму, живописи действия и попросту к Джеку Керуаку.

Вообще, мое поколение входило в возраст, впитывая в себя мрачные пророчества силоне, кестлеров, ричардов райтов. Поэтому мы оказались плохо подготовленными к тем выводам, которые надо было сделать в связи с Алжиром, Бирмингемом или заливом Свиней. К 1960 году лишь у немногих американских интеллектуалов достало духу устыдиться того, что изменение их отношения к кубинской революции случайно совпало с переменой в официальной правительственной политике США. Точно так же в конце концов они предоставили юмористам с телевидения защищать аграрную реформу. Настроения таких интеллигентов, духовный климат такой среды и составляет ядро пьесы, хотя в ней и не изображены эти события.

В результате получилась пьеса о молодом человеке, страдающем от язвы желудка, пребывающем в смятении чувств и находящем утешение в игре на банджо, и я вижу в нем воплощение определенного типа интеллектуалов из Гринвич-виллидж, на каких я насмотрелась за те десять лет, что прожила в этом районе.

Откровенно говоря, в этой пьесе мне хотелось как-то «переделать» образы тех интеллигентов, которые знакомы нам по сцене (так же, как в свое время мне хотелось как-то «переделать» тех негров, которые тоже знакомы нам по сцене). Мне кажется, в американском театре и кинематографе выработался стереотип интеллигента — такой личности в роговых очках и элегантно твидовом пиджаке спортивного покрою, — который изъясняется не иначе как высоким слогом и о высоких материях, пока какая-нибудь девица в черных чулках не стаскивает его с высот в самую гущу земной жизни.

Но на нашей сцене редко встретишь полнокровную фигуру интеллигента из средних классов, зачастую еврейского происхождения, который обитает в Гринвич-виллидж в квартире с горячей водой, носит вельветовый пиджак, обожает фильмы Бергмана, непременно бывает на лекциях о школе «нового романа» и концертах на Вашингтон-сквере и не упускает случая ввязаться в какой-нибудь спор. Я думаю, что «Плакат в окне Сиднея Брустайна» помогает воссоздать правдивый портрет человека из этой среды.

Некоторые спрашивают, почему я в этой пьесе «отошла от негритянского вопроса». И я не знаю, что отвечать, ибо мне кажется, что я никогда не писала о «негритянском вопросе». «Изюминка на солнце» — это пьеса о столкновении американской семьи с торгашескими идеалами общества. И действующие в ней лица — негры. В некоторых других моих пьесах персонажи тоже негры. Но во всех моих пьесах много и белых. Я пишу пьесы о самом разном, в них действуют и негры, и белые — вот и все, что я могу об этом сказать.

ЛОРЕЙН ХЭНСБЕРРИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сидней Брустайн.
Элтон Скейлз.
Айрис Пародус-Брустайн.
Уолли О'Хара.
Макс.

Мэвис Пародус-Брайсон.
Дэвид Реджин.
Глория Пародус.
Полицейский агент.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

На сцене — Гринвич-виллидж в Нью-Йорке, излюбленное пристанище тех, кому хочется бунтовать или по крайней мере отгородиться от социального устройства, в котором мы живем.

На заднем плане в дымке расстояния угадываются знакомые приметы огромного города. На первый план выступают фасады домов — образцы разностильной архитектуры, которая, надо полагать, отражает характер здешнего сообщества, где искусство и богема пытаются изолировать себя от всего прочего, а между тем самый факт их присутствия притягивает сюда тех прочих, которым хочется если не слиться с богемой, то хоть соприкоснуться с ней, а это, как ни парадоксально, в свою очередь взвинчивает квартирную плату так, что для богемы она становится недоступной. Здесь многоквартирные дома самого прозаического и унылого облика стоят бок о бок с бережно хранимыми реликвиями первых дней американской цивилизации; здесь в тесном соседстве перемешаны подлинно художественные ценности с дешевкой, и все вместе создает впечатление претенциозной красоты и в то же время настоящей, неоспоримой живописности.

Так, например, тут виднеется реставрированная «голландская ферма», там — конюшня, где, говорят, держал своих лошадей один из первых губернаторов штата, а вот особнячок в стиле барокко — собственность некоего знаменитого и эксцентричного актера. А в стороны отходят узенькие извилистые улочки, где окна с частыми переплетами, и среди зимы, когда стекла по углам покрыты изморозью, действительно создается нечто похожее на диккенсовский Лондон.

Квартира-студия Брустайнов находится слева, в первом этаже перестроенного доходного дома, как и в других подобных домах в Гринвич-виллидж, здесь есть старомодная железная лестница, изгибающаяся дугой над крошечным внутренним двориком, где каким-то чудом пробиваются и упрямо зеленеют городского типа растеньица. Под площадкой лестницы — вход в квартиру Брустайнов. Рядом, направо — дерево.

Квартира видна в разрезе. Стены по нынешней моде Гринвич-виллидж чисто-белые. И на фоне этих стен, чтобы радовать глаз — ибо хозяева квартиры придают немалое значение таким вещам, — мягкие желтые и тепло-коричневые тона и кое-где пятна оранжевого, сочного, ярко-оранжевого и того прелестного синего цвета, который связан в нашем представлении с культурой индейского племени навахо. Сразу чувствуется, что даже если бы живущие здесь люди имели много денег, — а это, разумеется, не так, — то они не стали бы тратить их на дорогую мебель. Подобно своему вкусу и бумажнику они предпочитают пробавляться дешевыми распродажами Армии Спасения, и это у них уже граничит со снобизмом. Они никогда не заглядывают в антикварные магазины «Американская старина», где цены рассчитаны главным образом на богатых туристов. Вероятно, несколько лет назад в этих комнатах было бы немало явно «модерных» вещей типа «сделай сам», но это поветрие уже прошло, и сейчас здесь нет ни одного изогнутого металлического стула с сиденьем и спинкой из холста или низкого столика со скошенными углами. Теперь тут «деревенская мебель» с ее нарочитой простотой и утилитарным удобством. Однако по углам все еще стоят расписные керамические горшки с мясистыми рододендронами, и повсюду валяются стопки прошлогодних журналов и кипы газет. В результате создается впечатление беспорядка, хотя в квартире вовсе не грязно. На стенах множество репродукций и фотографий, изображающих и совершенно неизвестные, и самые прославленные произведения мирового искусства, репродукции все без исключения в хороших, со вкусом подобранных рамках. Единственная дорогая вещь в комнате — отличная радиола и, само собой, полки с долгоиграющими пластинками, причем ни одна из них не стоит под углом. Отвоевываемая в них стены, на других полках теснятся сотни и сотни книг. На одной стене — банджо Сиднея.

А в общем — здесь приятно и глазу, и душе. И некоторая неряшливость ничуть не мешает этому ощущению. Здесь можно отдохнуть лучше, чем в какой-нибудь ультрасовременной комнате, и здесь лучше думается. В глубине сцены, посредине — дверь в спальню. Справа от нее — дверь в ванную. На авансцене слева часть кухни, уходящей за сцену. И, главенствуя над всем, в глубине слева — большое, неправильной формы окно-фонарь с наклоном наружу, в котором скоро будет висеть *Плакат в окне Сиднея Брустайна*.

Время действия — наши дни. Разгар весны; предвечерний час. При поднятии занавеса входят Сидней Брустайн и Элтон Скейлз; каждый несет под мышкой по две-три ресторанные проволочные сетки с бокалами. Ноша тяжелая, они тащили ее несколько кварталов. Оба тяжело дышат и разговаривают прерывисто. Сиднею Брустайну лет под сорок; по манере одеваться его трудно отнести к какой-либо определенной категории людей — иными словами, он не похож на своих соотечественников в плащах, свитерах и горчичного цвета вельвете, ставших почти обязательной формой послевоенного поколения интеллигенции Америки и Европы. Сидней не поддавался этой моде: он носит белые рубашки — обычно почему-то с расстегнутыми манжетами, хотя и с незасученными рукавами, — разношенные мокасины и любые брюки, с любым попавшимся утром под руку пиджаком, и это не спортивный стиль — и то, и другое чаще всего от разных костюмов. Тут нет никакой нарочитости — ему просто все равно, что надеть. Он среднего роста, держится небрежно, походка вялая, если только он не возбужден. Глаза у него открыты шире, и в них гораздо больше детского, чем по общепринятому представлению положено интеллектуалам, окруженным ореолом романтики. Пожалуй, единственное, что в нем красиво, — это шапка густых и жестких вьющихся волос. Очков он не носит. Элтон Скейлз — молодой человек лет двадцати семи, гибкий, смуглый, с коротко остриженными волосами. В отличие от своего друга он в свитере и горчичных вельветовых брюках, как принято в этой среде.

Сидней. И, ради бога, оставь ты в покое его мать. И убери «поток неслезных слез, застывших в глазах» его девушки. Не жми нам на слезные железы. Пиши так, будто ты знаешь, что мы уже

расстроены и незачем растравлять нам душу органной музыкой. Понял? *(Ставит на землю свою ношу и шарит по карманам, ищет ключ.)*

Элтон прислоняется к перилам лестницы.

Элтон *(угрюмо)*. Да понял, понял.

Сидней. Но тебя снедает сострадание, и тебе непременно хочется нам это доказать, верно? По принципу литературных дам: «Вначале были нюни».

Поднимает проволочные сетки с бокалами, и оба входят в дом. Квартира Сиднея освещается. Сидней ставит свою ношу на пол в гостиной

Элтон. Сэл при смерти. Говорят, он вряд ли выживет. *(Ставит свои сетки с бокалами на те, что принес Сидней, устало бредет к дивану и падает на него.)*

Сидней *(выхватывая из кармана гранки статьи, о которой шла речь)*. А это что, его спасет? Это ему поможет? Слушай, старик, отныне, когда мы пишем, не будем притворяться, что мы безоговорочно любим человечество. Не преклоняйся, не млей, не благоговей перед тем, что ты считаешь... *(смотрит в публику, чуть усмехаясь)* человеческим духом. Не выставляй напоказ свои чувства. Читателям это не нужно — они прекрасно сознают, что не могут себе позволить сантиментов. Вот почему Харвею пришлось сбыть свою газету. И вот почему я сейчас — гордый ее владелец, издатель, редактор, ее путеводный огонь. *(Широким жестом вручает Элtonу гранки.)* Ни во что не ввязываться, не брать никаких обязательств, высмеивать громкие слова. *(Глаза его устремлены прямо на зрителей: он, чуть ли не облизываясь, жадно приглядывается к нашей реакции.)* А главное, не порываться исправлять что бы то ни было — дело, движение, клубы и антиклубы. Это единственный способ сострадания. *(Закуривает; идет по комнате, внезапно останавливается перед бокалами с притворно похоронной миной: кажется, вот-вот перекрестится.)* Итак, вот все, что осталось от «Серебряного кинжала»...

Элтон. Туда ему и дорога. Ну, какой, к черту, из тебя хозяин кабачка, старик?

Сидней. Был задуман вовсе не кабачок.

Элтон. Вот правильно. Не кабачок, и не кафе, и вообще неведомо что.

Сидней. Я думал, людям нужно что-то в этом роде. Место, где можно послушать хорошую пародную музыку. Без дежурных потаскух. *(Потирая лицо, недоуменно.)* Я думал, публика найдется. Такие, как я, например. Должны же быть где-то такие, как я, верно?

Элтон. Такие-то есть. Только они не ходят ни в какие ночные заведения. Так же, как и ты не ходишь.

Сидней *(опять идет к бокалам)*. Знаешь, Элт, что такое эти бокалы? Указ об освобождении Мэнни. Он теперь свободен, мой братец Мэнни. Свободен от Сиднея. Наконец-то. Выпьем за это. Выпьем за счастливое избавление Мэнни.

Идет налево к низкому кухонному шкафчику, который служит и кухонным столом и баром. По обе стороны его стоят две некрашенные табуретки.

Элтон. Мне налей виски.

Сидней. Можешь получить водку со льдом или водку без льда. *(Наливает.)* Славный, отныне свободный, старина Мэнни! *(Несет стакан Элtonу, затем поворачивается к сеткам с бокалами и салюует им.)* В тот день когда он согласился дать денег на «Серебряный кинжал», он сидел вот тут, а на роже у него было написано: «Больше — ни фи́га! Сидней, конечно, вылетит в трубу.

Зато совесть моя будет чиста: я сделал для него все, что мог. Но теперь — все, я умываю руки». Твое здоровье, Мэнни, предводитель племени мещан! Этот чокнутый Сидней дарует тебе свободу! И катись к чертовой матери. *(Ставит стакан, быстро вытаскивает большой блокнот и большой цветной карандаш и садится к чертежной доске, которая стоит у окна почти горизонтально и служит письменным столом.)* Давай-ка займемся газетой. *(Широкими штрихами чертит макет газетной полосы.)*

Элтон *(с ленивым любопытством, которое на самом деле не так уж лениво)*. М-м... Сидней... Айрис уже знает, что ты, условно говоря, купил газету?

Сидней. Нет.

Элтон. А ты не думаешь, что ей следует знать?

Сидней. Я ей скажу.

Элтон. Когда? Ведь уже две недели...

Сидней *(загнан в угол, поэтому уклончиво)*. Будет случай — скажу.

Элтон. Она, наверно, найдет, что возразить.

Сидней. Она всегда находит, что возразить. Если бы я обращал внимание, я бы никогда ничего не сделал. *(Рассматривает свой чертёж.)* Знаешь что? Попробую следующий номер печатать наоборот. Понимаешь, белым по черному. Глупо же, ей-богу, — вечно черным по белому. Долой косность!

Входит Айрис, его жена, с целым ворохом продуктовых пакетов. Ей нет еще тридцати, у нее заурядно красивое лицо, которое не бросится в глаза среди толпы. Но она полна мальчишеской живости, которая чарует сразу же, как только она заговорит или как только заглянешь в ее огромные глаза. И подобно множеству девушек в Гринвич-виллидж, у нее целая копна очень длинных волос, сейчас уложенных в высокий узел на макушке. Волосы темно-каштановые. Жизнь уже сделала ее слишком нервозной и чуть-чуть ссутулила плечи. Как бы ни сложилась ее сценическая судьба, она — актриса, она склонна «представлять» и передразнивать, и, по крайней мере с Сиднеем, она позволяет себе это, когда вздумается. И хотя это вовсе не главное в их многолетних отношениях, но в ней чуть излишне чувствуется взрослая дочь, которая старается блеснуть перед отцом, ждет его похвалы, проверяет пределы его знаний и его превосходства и — особенно в последнее время — чуть излишне раздражается на свою зависимость от него. Он для нее возлюбленный, отец, вселенная, бог. Но у этого божества глиняные ноги, и вместе с растущим недовольством собой и своим положением в ней зреет настойчивое, хотя еще и неосознанное желание вырваться на волю. Взаимное недовольство иногда бурно прорывается наружу; однако, если не считать этих острых моментов, в их разговорах чаще всего есть оттенок добродушного подтрунивания и шутки.

Услышав шелканье замка, Сидней отбрасывает блокнот в сторону, Айрис, кивнув Элтону, идет в кухню; на секунду останавливается возле сеток с бокалами, бросает взгляд на Сиднея. Свалив свертки на кухонный стол, опять останавливается у бокалов; снимает плащ и остается в уродливой желто-белой форме, в которую неизменно обряжают официанток в кафетериях.

Айрис *(Сиднею, стоя возле бокалов)*. Я не желаю держать их в своей гостиной.

Сидней. А куда прикажешь их девать?

Айрис. Не хватало, чтобы мы заваливали квартиру обломками твоих кораблекрушений.

Сидней. Слушай. Не заводи. Ну, все лопнуло. Тебе этого мало? *(Идет к радиоле и ставит пластинку.)*

Элтон. Ох, чуть не забыл: надо бежать! Очень срочное дело.

Сидней *(«Не бросай меня!»)*. Какое?

Элтон. Не знаю, потом придумаю. *(Выходит.)*

Айрис. Если хочешь знать, все лопнуло еще до того, как началось.

Сидней оставляет эти слова без внимания; Айрис идет в кухню и тотчас же возвращается. Возникает музыка. Это блюз из Южных штатов; мелодия

этой грустной жалобы родилась, вероятно, где-то на Британских островах больше чем сто лет назад; она приплыла из-за океана, впитала в себя пульсирующие ритмы блюзов чернокожего народа и, наконец, душу белых горемык, бедствующих где-то в дальних закоулках страны. Словом, это старинная, неувядаемая и бесконечно прекрасная американская песня, и голос Джоан Баэз раскрывает ее смысл, который не спутаешь ни с чем — такой она проникнута печалью, странно нарастающей все больше и больше. Сидней возится с бумагами на чертежной доске, временами искоса поглядывая на Айрис. Песня «Я больше не увижу тебя, моя радость» вытесняет собою все остальное. Айрис вдруг меняет тему разговора.

Айрис. Сегодня у нас в кафетерии завтракал Бен Эш.

Сидней. И что?

Айрис (*выключает радиолу*). Говорит, в летнем театре на Лонг-Айленде будут играть «Южные острова». Уже подбирают актеров. И угадай, кто ставит? Гарри Макстон! Слышишь, Сид, *Гарри Макстон!* Помнишь, ему так понравилось, когда я читала!

Подходит к зеркалу, быстро и резко вертя кистями рук, что в спектакле, очевидно, должно было означать сцену «Веселый разговор». Муж смотрит на нее, хмурится и отводит глаза.

А мы все мечтаем, а мы все болтаем
О том, как мы счастливо станем жить...

(*Оборачивается и ликующе смотрит на Сиднея.*)

Помнишь, он был просто в восторге, когда я ему показывалась в этой роли!

Сидней. И взял другую актрису. И ты прекрасно знаешь, что больше не станешь показываться. (*Тут же раскаивается.*)

Айрис (*застыв в театральной позе*). Ты гнусный, жестокий садист, ты эгоист и подлец! (*Уходит в спальню.*)

Сидней. Прости, Айрис. Сам не знаю, почему я это ляпнул.

Айрис. Так, может, ты выяснишь, и мы наконец перестанем мучить друг друга?

Сидней уныло отмахивается.

Сидней. А что, доктор Стайнер велит тебе таким манером вербовать для него клиентуру?

Айрис. Доктор Стайнер здесь ни при чем. Я больше ни слова не скажу о нем в этом доме. И о моем психоанализе тоже. Ты же ничего не понимаешь. Ты и не сможешь понять...

Сидней и Айрис (*вместе, он устало вторит ей*). ...пока не пройдешь через это сам!..

Айрис выходит из спальни. Теперь на ней эластичные брюки и свитер.

Айрис. И между прочим, это правда.

Сидней. Айрис, радость моя, ты берешь сеансы психоанализа у доктора Стайнера уже два года, а разница только в том, что раньше ты все время просто плакала, а теперь сначала подымаешь крик, а потом плачешь.

Айрис. А ты вообще не меняешься, Сидней, и мне от этого даже легче. Разве я могла бы сказать тебе то, что я сказала, если бы во мне не произошло *огромной* перемены?

Сидней (*с искренним удивлением*). А что ты такого сказала?

Айрис. Я же сказала тебе в лицо, что ты гнусный, жестокий садист, эгоист и подлец. Не только подумала про себя, но и сказала. А вспомни-ка, ты хоть раз это раньше слышал? Я думала так, чувствовала, но вслух произнести не могла!

Сидней. Стало быть, ты платишь этому шарлатану по двадцать долларов за сеанс за то, что он учит тебя ругаться? Неплохо!

Айрис. Да не в этом дело!

Сидней. Извини. Раз надо — ругайся вслух.

Айрис (*сквозь зубы*). Ты воображаешь, что ты великий мыслитель, самая интеллигентная задница на свете...

Сидней (*сухо*). Еще шаг на пути к душевному здоровью...

Айрис. ...что у тебя страшно широкие взгляды, а на самом деле ты самый что ни есть закоснелый, провинциальный...

Сидней. ...тупой и ограниченный...

Айрис. ...тупой и ограниченный тип! И вот что я тебе скажу, голубчик мой,— не хотела бы я быть в твоей шкуре, пусть лучше меня на куски разрежут! Да-да! Святой мученик Иоанн, вот ты кто!

Сидней. Да никакой я не мученик.

Айрис. Все мученики. Все носят в себе страдание.

Сидней. Откуда ты знаешь, Айрис?

Айрис. Это все знают. Der... (*запинается*) Angst* — повсюду. И вот что: если бы у меня было столько враждебности к миру, как у тебя...

Сидней. Слушай, Айрис, три года назад ты чуть не довела нас до развода, выискивая какую-то половую проблему: ты ни с того ни с сего решила, что ее не может не быть. Мы даже изобрели что-то эдакое на полгода — ты ведь не сомневалась, что раз это есть у *всех*, значит, должно быть и у нас. Так вот, имей в виду, на этот раз мы не пустимся на розыски (*поправляя ее*) *die Angst* в моей душе.

Айрис (*загадочно; присаживается к нему на диван, дразня его*). Какой ты бываешь в постели, я знаю получше тебя.

Сидней (*вымученная терпеливость; но он тянется к ней: он любит эту женщину*). Ну, поделись — мы это обсудим.

Айрис (*со святым видом*). О нет! Голубчик мой, нет! Сходи-ка сам к психиатру. Ты меня не поймаешь: я не стану заниматься домашним психоанализом.

Сидней. А тут и нет никакой психологической загадки! Просто дело техники. Кое-что меня не устраивало, а кое-что... (*хрипло*) очень устраивало. (*Обнимает ее.*)

Айрис. Это доказывает, что в половых отношениях не все зависит только от техники! (*Выпрямляется.*) И между прочим, язва желудка не у меня. И человек удовлетворенный, да к тому же имеющий язву желудка, не станет вливать в себя столько виски, как ты!

Сидней. Язва — моя, что хочу, то с ней и делаю. И, помнится мне, были времена, когда между страданием и удовлетворенностью существовало множество оттенков.

Айрис (*как затверженный урок*). В основном ты натура амбивалентная. Ты не допускаешь возможности каких-либо внутренних расстройств, потому что считаешь это признаком слабости, и не хочешь признать себя абсолютно здоровым, потому что для тебя это признак незначительности...

Сидней. Ох, иди ты к черту! Слышать не могу эту чушь! (*Снова тянется обнять ее: эти вздорные препирательства для него старая игра, которая ему мила.*)

Айрис (*кричит*). Ну и женился бы на такой, с кем тебе было бы приятно разговаривать!

Фраза на секунду повисает в молчании; Сидней принимает ее с легкой грустью, но, стараясь быть выше этого, отвечает, пародируя высокопарность елизаветинской эпохи.

* Страх (нем.).

Сидней. Потому что... *(поднимает стакан в манере Сирано)* «слова, что днем нам трезвый услаждают слух, на ложе ночью холодят любовный пыл, мой друг».

Айрис *(вскидывает на него глаза)*. Откуда это? Я что-то не знаю...

Сидней *(хмуро, глядя в пространство)*. Ниоткуда.

Айрис. Что?

Сидней. Из Плутарха, черта, дьявола! Не все ли равно!

Айрис. Мне-то все равно, но это лишний раз доказывает, что ты считаешь меня дурочкой.

Сидней *(так же, скорее в пространство, чем ей)*. «Покорнейше прошу прощения. И удаляюсь...» *(Пауза. К Айрис.)* Это доказывает, что я тебя люблю. Это доказывает, что я не внемлю рассудку и не противоречу своей натуре. Это доказывает, девочка, что я люблю свою жену. Странная вещь. *(Закрывает ей рот поцелуем.)*

Айрис. Потянуло на любовь, да?

Сидней. Глупая сварливая бабенка. Перестань.

Айрис. Мне уже и слова сказать нельзя?

Сидней. В таком духе — нет. А то я взбешусь. *(Порывисто встает, отходит к окну и смотрит на улицу.)*

Айрис *(зло и упрямо)*. Ясно одно: тебе трудно со мной разговаривать, потому что в душе тебе хочется только ссориться со мной.

Сидней *(кричит)*. Ничего подобного! И скажи своему доктору Стайнеру: пусть он со своим коньком «люблю-ненавижу» идет... куда подальше!

Айрис. Речь идет о вещах, в которых ты даже не отдаешь себе отчета, Сид. Это бессознательные побуждения.

Сидней. А если они бессознательные, чего уж тут толковать!

Айрис *(сбита с толку)*. Ну, не «без», а «под». Подсознательные побуждения.

Сидней. Слушай, давай лучше подумаем, как бы тебе все-таки показаться режиссерам.

Айрис *(это ее больное место)*. Неужели же ты не понимаешь, что у человека могут быть свои внутренние барьеры?

Сидней *(садится к чертежной доске)*. Очень понимаю и, кроме того, знаю, что, если их наращивать и укреплять, они становятся все выше и выше.

Айрис *(сквозь зубы)*. Ну ладно! Я из своей жизни не сумела сделать ничего путного. А ты? Или эти бокалы мне только мерещатся?

Сидней. А, что ты понимаешь!

Айрис *(захлебываясь торжеством)*. Понимаю, что не такая уж гениальная идея открывать ночной клуб с народными песнями там, где на четыре квартала есть уже двадцать таких ночных клубов. Это я хорошо понимаю, мой миленький! И какой к черту из тебя хозяин ночного клуба? *(Идет в ванную чистить зубы.)*

Сидней *(почти страдальчески: опять то же самое, напрасные старания)*. Был задуман вовсе не ночной клуб. *(Пауза.)* Все было бы хорошо, если бы Бруно как следует занялся рекламой.

Айрис *(захлопывает дверь в ванную и идет назад)*. Он полагал, что за это ему будут платить.

Сидней. Я предложил ему четвертую часть.

Айрис. Кому нужна четвертая часть доходов без доходного кабачка?

Сидней. Это был не кабачок!

Айрис. Куда ты денешь эти бокалы?

Сидней. Не могу же я сразу придумать! Наверно, есть заведения, которым нужны полторы сотни целеньких бокалов, правда?

Айрис. Тем, кто будет описывать имущество, покажется весьма стран-

ным, что в кабачке нет бокалов. Что ты скажешь, если тебя спросят, куда они девались?

Сидней. А почему я знаю, куда они девались? Я не обязан помнить всякие мелочи. Может, воры залезли и украли, мало ли что!

Айрис. Инспектора обожают вникать во всякие мелочи, Сид. Мелочи — это их специальность.

Сидней. Не знаю, почему это тебя волнует. Ты должна радоваться, что я хоть что-то спас, что у меня хватило духу пойти и унести оттуда хоть что-нибудь, пока не описали имущество. Видишь, я иногда бываю очень практичным. А ты меня вечно пилишь.

Айрис приподнимает лист кальки на чертежной доске и обнаруживает под ним макет газетной полосы, над которым работал Сидней.

Айрис (*берет в руки чертеж*). Ну, а теперь еще что? Хочешь сделаться художником? Боже, какой ужас! (*Демонстративно хохочет.*)

Сидней. Это не рисунок. Это макет... м-м... (*Он колеблется, ему не хочется входить в объяснения в такой момент.*)

Айрис (*уже ожидая чего угодно*). Макет чего, Сидней?

Сидней (*тяжело вздыхая, садится*). Понимаешь, Харвей влюбился в одну цыпочку...

Айрис. И что?..

Сидней. ...и решил переселиться на Майорку. Представляешь, решил плюнуть на все и жить на Майорке...

Айрис (*опускается на стул, прижимая пальцы ко рту*). О боже, нет... Сидней, нет...

Сидней (*пожимая плечами*). Ну и, конечно, пришлось ему сбавить свою газету...

Айрис. Нет. Господи, сделай так, чтобы это была неправда. Сбавить — кому? Сидней, да неужели же ты?..

Сидней. Знаю, тебе трудно, Айрис. Трудно понять, почему мне это нужно...

Айрис (*бессильно сникает на стуле*). Не верю. Не верю, что ты, еле выкарабкавшись из этого (*жест в сторону бокалов*), мог сразу же влезть в это... Не говоря уже обо всем прочем, что ты сказал Харвею насчет денег? Чем ты собираешься ему платить?

Сидней. Мы с ним договорились. Не беспокойся.

Айрис. Как вы договорились, Сидней?

Сидней. Ну, в общем договорились. И точка. Говорят тебе, не беспокойся. И точка.

Айрис. Господи помилуй, да где же ты возьмешь деньги на издание газеты?

Сидней. Это совсем маленькая газета. Еженедельная.

Айрис. Сидней, тебе не на что выпускать даже листовку, и даже один раз в год!

Сидней. Я сам знаю, что делаю, — сколько раз я должен повторять тебе одно и то же? Деньги тут вовсе не главное. Харвей подцепил очень богатую бабенку, и деньги его пока что не интересуют.

Айрис. А когда заинтересуют? Где ты их возьмешь? Объясни, пожалуйста, глупой настырной старухе Айрис, не то она будет ломать себе голову день и ночь.

Сидней. Достану. И точка. Достану. Ведь на «Серебряный кинжал» деньги нашлись? И тут найдутся. Чтобы что-то сделать, надо что-то делать. Точка.

Тем временем к дому подошли Уолли О'Хара и Элтон Скейлз. Первый — человек лет за сорок, с редкими рыжеватыми волосами, одет довольно стандартно. Он несет несколько плакатов на картоне. На минуту оба останавливаются и оживленно разговаривают, очевидно об-

суждая, как вести себя дальше. Элтон стучит в дверь. Айрис с досадой всплескивает руками и открывает им.

Элтон (*громко чмокает ее в щеку. Жест в сторону Уолли*). Смотри, кого я встретил!

Уолли (*показывая избирательный плакат Сиднею и Айрис. На нем написано: «Хотите реформ — голосуйте за О'Хара»*). Здорово, Сид. Сидней (*стоит как вкопанный; решительно*). Я отвечаю: НЕТ.

Элтон (*кричит на него*). Не паясничай! Сначала хоть послушай, что он скажет!

Уолли. Здравствуй, Айрис! (*Целует ее.*)

Айрис уходит в кухню готовить салат.

Сидней. Знаю, что он скажет, и не желаю слушать. Я в эту игру не играю. И точка. Моя образцово-показательная газетка не будет ввязываться в политические кампании. Ни в какие. Политика для тех, кто к пей питает особый интерес. А у меня интерес уже остыл.

Уолли (*словно он ничего другого и не ожидал. Усаживается поудобнее*). Знаю, слышал. Ты мне уже все это объяснял. «Политика — это парыв на здоровом теле человечества. Политика — это рак души. Это грязные делишки, сплошные компромиссы и пустые словопрепия». И так далее, и так далее. (*Идет к сеткам с бокалами, вынимает один бокал.*) Здесь что, притон алкоголиков? (*Наливает себе в бокал из бутылки; бросает пронизательный, наметанный взгляд на новоиспеченного редактора.*) И все-таки, Сидней, я в конце концов понял, и ты тоже должен это понять: дело ждет, и надо же кому-то его делать. Вот я, например, почти забросил работу, хотя моя юридическая практика только начинает налаживаться. Я иду на риск и сил своих не жалею, а тебя всего-навсего прошу чуточку помочь и поддержать через твою — насколько я понимаю — газету.

Сидней. Ни за что, даже ради тебя, Уолли. Мои читатели вольны поступать, как им угодно. Но в моей газете — никакой поддержки. И никаких редакционных статей.

Элтон (*к Уолли, возбужденно*). Ты видишь! Вот оно! Вот оно, тяжелое заболевание современных буржуазных интеллигентов — «страусизм»! У этого явные симптомы — Великий Печальный Уход от мирской суеты. (*С комическим отчаянием бьет себя в грудь.*) Сердце кровью обливается! (*Прикрепляет плакат к книжной полке.*)

Сидней. Элтон, хочешь знать точный и безошибочный признак, по которому всегда — слышишь, *всегда* — можно отличить бывшего коммуниста от обыкновенных людей? По тому, как он часто и беспричинно повторяет слово «буржуазный».

Элтон. А хочешь, я скажу, как можно точно и безошибочно, несмотря ни на что, распознать липового коммуниста с членской карточкой в кармане? По тому, как он цепляется за любой ничтожнейший предлог, чтобы уклониться от разговора, если речь идет хоть о мало-мальски важных вещах!

Уолли (*спокойно, посмеиваясь*). Послушать вас, так можно подумать, что вы заклятые враги!

Сидней (*обращаясь к Элтону*). Да, я, должно быть, уже не верю лозунгам революционеров со школьного двора, Элтон. Да, вероятно, у меня уже не осталось ни энергии, ни чистоты душевной, ни разума, чтобы «спасать мир». (*Снимает плакат Уолли. Смотрит на обоих, улыбаясь затаенной улыбкой, одними краешками губ.*) И если говорить всерьез, я теперь не верю даже, что обязательно

наступит весна. А если и наступит, не верю, что она принесет что-нибудь поэтичнее или мятежнее, чем... обострение язвы желудка!

Уолли (*встает и подходит к Сиднею. В нем — всепроникающая уверенность*). Речь идет не о мире, речь идет о населении нашего округа. Знаешь, как говорят в лечебницах, где лечат от пьянства? Не думайте, сколько раз вам придется отказываться от рюмки, думайте только о первой. Вот в чем вся штука, Сид. Не думай о больном мире, думай о больном соседе, вот и все.

Сидней. Весьма убедительно. (*Отдает Уолли плакат.*) Но сказать по правде, дорогие друзья, боюсь, что я переживаю смерть восклицательного знака. Он умер во мне. И мне больше не хочется никого ни к чему призывать. Конец моих отроческих лет — смерть восклицательного знака. (*Криво усмехнувшись.*) Надо думать, это не со всяким случается. Взять хоть старика Элтона — это же сплошной восклицательный знак!

Элтон (*надменно*). У капитуляции один запах, один образ, один звук.

Сидней (*так же*). Послушай, я не новичок. Хочешь, покажу газетные вырезки? С восемнадцати лет я состоял во всех комитетах под лозунгами «Руки прочь», «Уничтожить», «Запретить», «Прекратить», «Сохранить», «Охранить»... А в результате — (*с почти бесшабашной легкостью*) отвращение ко всякого рода организациям: при одной мысли о «движении» за что-то меня просто мутит. Сил моих нет глядеть, как одержимые жаждой власти мятежники устраивают поножовщину за влияние в... (*последний удар*) в буфетной комиссии! (*Идет в ванную за склянкой с пилюлями.*)

Уолли (*спокойно усмехаясь*). Говорят тебе — думай только, как удержаться от первой рюмки.

Сидней (*возвращается и подходит к чертежной доске, чтобы запить пилюлю виски из своего бокала*). То есть подымать возню вокруг мелочей, поскольку с важным мы все равно ничего не можем поделаться? Например, с тем фактом, что я родился от отца, искалеченного на одной войне, сам воевал во второй и живу под явной и непосредственной угрозой третьей? Забудь всю эту труху, да? И борись за... новые правила уличного движения. Так?

Уолли (*ставит свой бокал; энергично*). Да черт тебя возьми, старик, здесь у нас чуть ли не самое крупное гнездо торговцев наркотиками! Этот их синдикат считает наш округ своим владением, тут работает такая машина...

Сидней. Можешь пробавляться чем хочешь. Будь деятелем, если тебе нравится. Только не липни с этим ко мне. Айрис, пива!

Айрис (*выходит из кухни*). Одно скажу, Сидней: просто уши вянут, когда тебя слушаешь, просто уши вянут!

Уолли (*подчеркнуто-шутливым тоном*). Что и доказывает: место женщины — в кухне.

Элтон (*гримасничая*). Куда плотно закрыта дверь.

Уолли. Поражаюсь тебе, Сидней. Перед явной и непосредственной угрозой...

Звонит телефон.

Айрис. Боже, это, наверно, Мэвис! Сейчас она мне ни к чему. Сид, возьми трубку.

Сидней. Мне Мэвис всегда ни к чему. Возьми сама.

Айрис идет к телефону.

Ох, эта Мэвис, братцы,— честное слово, ее сочинил Синклер Льюис, только она каким-то образом выпала из его книги! (*Смотрит на Элтона, спокойно.*) Кстати, о сестрах Айрис — ты, кажется, часто видишься с Глорией, когда она приезжает?

Айрис у телефона бросает быстрый многозначительный взгляд на мужа.

Элтон (*шутовским тоном*). Да, а что?

Сидней. А то, что послушай меня: берегись дочерей из дома Атреева!

Айрис сверлит его взглядом.

Элтон (*бойко, не замечая немой сцены*). Ничего, рискнем! (*К Уолли.*)

Ты бы ее видел, старик!

Уолли (*улыбаясь*). Не прочь посмотреть. (*Возобновляет атаку.*) Сидней, если ты не желаешь палец о палец ударить...

Элтон. Только сейчас тебе нет смысла знакомиться с ней. Я, видишь ли, попал в поле ее зрения и заполнил его собой целиком.

Уолли. Где же оно, это сокровище? Почему не зайдет и не заставит Сиду открыть глаза пошире?

Айрис (*вмешивается в разговор, прикрыв трубку рукой*). Она в Лос-Анжелесе. Много разъезжает. Она известная манекенщица.

Элтон показывает фотографии Глории Сиду и Уолли.

Да-да, слушаю, дорогая. Да нет, Мэв, это меня ничуть не интересует, вот и все. Пока. (*Кладет трубку и садится возле мужа.*) Бедняга Мэвис. Уже сколько лет она пытается цивилизовать меня. Но надо отдать ей должное: она не сдается. Вот сейчас купила мне какое-то платье...

Сидней. Славная старушка Мэвис, родоначальница всех мешаи. Мой братец — предводитель мешаи, но она — их родоначальница. (*Внезапно выдергивает шпильки из волос жены; волосы рассыпаются по ее спине и плечам. Это его любимая игра, которая злит Айрис.*)

Айрис. Да ну тебя к черту, Сид! Прекрати, слышишь? Я серьезно говорю!

Элтон (*к Уолли*). Дать ему волю, так он заставит ее бегать босиком в холщовом балахоне, с развевающимися волосами. (*Сидней.*) Что у тебя, какой-то деревенский комплекс, что ли?

Уолли. Странно, почему у славного еврейского парня из мелкобуржуазной среды такая приверженность к старому, изжитому англосаксонскому мифу?

Сидней (*растягивает слова, подражая жителям Западных штатов*). Наверно, потому, что моя особая еврейская душа менее разборчива, чем другие.

Уолли (*пытаясь пробиться*). Сидней, если ты ничего не хочешь сделать для своего района, как же ты тогда...

Сидней (*опять уклоняясь*). Голубчик мой, знаешь, чего мне хочется? Мне вдруг страшно, неудержимо захотелось забрать свои книги, фотоаппарат, пластинки и... мою жену... и уйти...

Айрис, Элтон и Уолли (*хором*). В леса!

Айрис с безразличным видом начинает приводить в порядок волосы, стараясь заколоть их по-прежнему.

Сидней (*через силу*). Да. И остаться там. (*Резко запрокидывает ей голову назад и смотрит в глаза.*) Навсегда.

Айрис вздыхает.

Элтон (*к Уолли*). Ты понимаешь, что мы видим перед собой? Думаешь, этот тип стремится только к символическим горным вершинам? Нет, ему еще подавай там все удобства!

Сидней (*меняя разговор, Элтону*). Между прочим, я договорился с Мики Дэфо, что ты к нему придешь. Он будет ждать тебя завтра в полдень в своей конторе. Надень галстук, покажи, что ты готов лобызать ему задницу, — словом, не заставляй его нервничать.

- Элтон. То есть как это — договорился? Зачем? Чего ради я должен идти к Мики Дэфо?
- Сидней. Надо. Больше некому.
- Элтон. Нет уж, меня не посылай, мне не о чем разговаривать с такими людьми, как Мики Дэфо.
- Сидней. Ты прав, ты не годишься. Абсолютно не тот человек. От Ассоциации оптовой и розничной торговли мы получаем лишь половину рекламных объявлений, которые печатаются в нашей газете. Нет, нам нужен человек... *(как бы нечаянно идет в сторону Уолли так, что последнее слово произносит, стоя перед ним)* обходительный.
- Уолли. На меня не смотри.
- Сидней. Почему, жирный кот, почему?..
- Уолли. А почему ты считаешь, Сид, что можно всегда просить, просить и никогда ничего не давать?
- Сидней *(воздев руки)*. Да потому что, пока я не издох, моя образцово-показательная газетка будет...
- Айрис. Ох, Сидней, газета, газета, газета!.. Долго ли она у тебя продержится, твоя газета? *(Уходит в спальню, подбирая на ходу волосы вверх.)*
- Элтон. Что с ней творится последнее время?
- Сидней *(пожимает плечами)*. Кто ее знает? Может, она решила начать новую жизнь.
- Уолли. Брось, это в ней греки чуют. Не знаешь, что ли? В ее душе восторжествовала врожденная трагедия.
- Сидней *(весь разговор предназначен для ушей Айрис)*. Она только наполовину гречанка, значит и трагична она только наполовину. Эй, Айрис, когда придешь, показывайся только в профиль!
- Айрис. Ах, как вы все остроумны! *(Кудахтающий сардонический смех.)*
- Уолли. А еще наполовину она кто?
- Сидней. Ирландка и чероки. Я женат на единственной греко-гэльско-индийской дикарке, попавшей в рабство. Если только можно себе представить Айрис в рабстве... Покажи нам твой танец, девочка.
- Айрис быстро выскальзывает из спальни, делает несколько па греческого танца мизерлу, который переходит в джигу, затем в шаблонное изображение индейской воинственной пляски и заканчивается неподвижной позой в духе Мэрилин Монро. После этого Айрис тотчас же убегает.
- Всему, что она умеет, научил ее я. Слышали бы вы, как о ней говорила моя мать. *(И конечно, неизбежное.)* «Я же совсем не против гоев, Сид, она славная девушка, но все-таки в рис она кладет слишком много жиру. Да еще бараньего. А желудок? С кукурузными хлопьями! Это же комом ложится».
- Уолли *(кивая на дверь, за которой скрылась Айрис)*. Как с театром? Что-нибудь наклеывается?
- Сидней *(шепотом, поднимая руку, чтобы отвести эту тему)*. Тс-с! И не заговаривай!
- Элтон *(перелистывая книгу, лежащую перед ним на низком столике)*. Одна из твоих бед в том, Сидней, что у Торо ты восхищаешься не тем, чем надо.
- Сидней *(сидит в кресле спиной к Элтону, заложив руки за голову)*. Откуда ты знаешь, чем я у Торо восхищаюсь и чем не восхищаюсь?
- Элтон. Да по твоим пометкам. *(Расхаживая по комнате, начинает читать вслух; поначалу старается придать словам издевательский оттенок, утраивая букву «р» и т. д., но затем это уже ему не удается — быть может, потому, что слова эти трогают даже его. Он читает, и мы начинаем замечать знакомые оттенки и интонации в его голосе, хотя не сразу угадываем, что это такое.)* «...В самых студе-

ных, не защищенных от непогоды местах расцветают самые теплые и добрые чувства. Холодный пронзительный ветер сметает всю плесень, и ничто не может противостоять ему, кроме того, что несет в себе добро. Во всем, что мы видим в таких студеных, не защищенных от непогоды местах, как горные вершины...» Видишь! Вот оно, твое стремление к горным вершинам!

Айрис проходит в кухню, приносит миску с гороховыми стручками, принимается их лущить.

«...есть здоровая чистота, вызывающая в нас уважение... Мы вдыхаем бодрящий, очищенный воздух... и мы склонны остаться здесь на долгое время, чтобы порывы ветра проносились сквозь нас, как сквозь безлистые деревья, заставляя нас привыкать к суровой зиме; мы словно надеемся таким образом обрести ту чистую и несокрушимую силу, которая будет поддерживать нас во все времена года».

Сидней осторожно и чуть-чуть вызывающе отбирает у него книгу, захлопывает и ставит на полку, потом снова садится и глядит в пространство.

Уолли. Ладно, а как насчет прочего у Торо, дружище Сидней? Что скажешь о высоком общественном сознании Торо, того Торо, который однажды стоял за решеткой тюремного окна, когда святой из святых мистер Ральф Уолдо Эмерсон, проходя мимо, спросил: «Генри, как вы оказались там, внутри?» А Торо, который попал «внутрь» за протест против зла тех времен, поглядел на него и сказал: «Нет, это вы ответьте, как вы оказались снаружи?»

Айрис, слишком хорошо зная Сиднея и чувствуя, к чему идет дело, начинает тихонько напевать «Боевой гимн республики».

Сидней. Прекрати.

Элтон (*хладнокровно нанося смертельный удар*). Почему, Сид? Она права... Уолли, перестань молоть чушь! Не распускайся, старик. Ты «млеешь»! Ты «преклоняешься перед человеческим духом»! Ты «выставляешь напоказ свои чувства». Разве ты не знаешь, Уолли, что «читателям» (*указывает на Айрис*) «этого не нужно». Что огромной «темной массе» (*указывает на окно*) «этого не нужно». Больше того, выдохшийся мятежник (*указывает на Сиднея*) не может себе этого позволить. Так что не трать силы, Уолли: он оплакивает свое отрочество. Уйдем, пока он не всучил тебе полторы сотни бокалов. (*Встает.*)

Сидней (*уязвленный*). Ну и убирайся к черту!.. Иоанн Креститель! (*Бросается на колени и, раскинув руки, медленно и точно изображает низкий восточный поклон.*) Бог да благословит твою христоспасительскую душу! (*Помахивая поднятыми вверх ладонями, заунывно тянет «а-а-а», но постепенно стихает, так как Элтон стоит над ним непреклонно.*)

Элтон. Тихо, тихо, малый, не надо принимать это так близко к сердцу. Что за чувствительность, в самом деле — еще, чего доброго, и нюни распустишь. В конце концов, что особенного? Всего-навсего мальчишка. Паршивый мальчонка семнадцати лет. (*С жестокой небрежностью.*) Что он там у тебя делал в «Серебряном кинжале» — пол подметал, что ли, этот... как его?..

Сидней (*тихо*). Сэл Перетти.

Элтон. Ах да, Сэл Перетти.

Сидней. Я сделал все, что мог...

Айрис (*она взбешена*). Да, ты взял его на работу — и ты не можешь нести ответственность за каждого мальчишку, который является с улицы!

Сидней. Я хотел помочь ему.

Айрис уходит в кухню.

Элтон. Пошли, Уолли, зря теряем время. *(Тащит за собой Уолли.)*

Уолли *(в дверях)*. Я на тебя рассчитываю, Сид.

Сидней. Напрасно.

Они выходят. Сидней молча сидит у чертежной доски. Затем бредет к бокалам. Ставит одну ногу на проволочные сетки; взгляд его падает на брошенный плакат. Он берет подбородок в горсть.

(Размышляя.) Айрис... как ты думаешь, согласится мой братен Мэнни поддержать кандидата-реформатора, если я подарю ему полторы сотни целеньких ресторанных бокалов?

Айрис *(выскакивает из кухни с пучком мокрого салата в руках)*. Сидней, клянусь небом, я тебя отравлю!

Затемнение

КАРТИНА ВТОРАЯ

На следующей неделе. Сумерки. Сцена затемнена, и снова слышны раздраженные голоса.

Макс *(густым, сочным, раскатистым голосом)*. Иди ты со своим Микеланджелло! Заладил, как попугай. Сейчас начнешь...

Элтон. Да, начну. Чем обобщеннее мысль, тем...

Сцена освещается. Элтон и Макс в квартире Брустайна. Повсюду разложены беспредметные этюды Макса — они-то и вызвали ожесточенный спор. Макс — первостатейный оригинал: средних лет, коренастый, громкоголосый, короткие с проседью волосы решительно начесаны на лоб, на нем сандалии, запачканные краской джинсы, черный свитер с высоким воротом; на лице — обида.

Макс. Твоя беда в том, что ты все понимаешь буквально. Родился буквалистом и умрешь буквалистом.

Элтон. Я хочу сказать, что процесс разложения не зашел так далеко, понимаешь? Больное искусство — так, значит, оно непременно глубокое? Нет, дорогой, это чересчур просто. Смерть — чертовски легкий ответ. Хаос и того легче. И когда ты утверждаешь, что это мера всего сущего...

Макс *(делая грубый жест)*. Иди-ка знаешь куда... Ни черта ты не понимаешь — разве что рекламные лубки.

Элтон. Какие рекламные лубки? Леонардо это что, лубок?

Макс *(в ярости стуча по столу)*. Так я и знал! Опять за свое, опять об этом паскудном Возрождении!

Входит Сидней, неся большой плакат.

Сидней. Вот, принес.

Элтон. Здорово! Давай повесим, Я уже и гвозди вбил.

Берется за край полотнища, и они вместе разворачивают его. Там надпись:

РАСЧИСТИМ КОНЮШНИ РАЙОННОЙ ПОЛИТИКИ.

ПОКОНЧИМ С БОССАМИ.

ГОЛОСУЙТЕ ЗА РЕФОРМЫ.

Они идут к окну и вешают полотнище надписью на улицу.

Сидней. Ну, теперь за работу.

Сидней садится за свой стол, Элтон рядом с ним. Макс с кротким видом усаживается поодаль; герой дня, он подождет, пока его призовут.

Ну что ж, хотя клише с названием газеты и новое, первая полоса почти не меняется. На второй полосе — дискуссии и мелкие материалы... Третья — интервью, ну и всякое такое. Четвертая — пись-

ма читателей и несколько иллюстраций, подходящих еженедельнику.

Элтон (*подмигивая с победным видом*). И редакционные статьи.

Сидней (*отмахивается: разве кто возражал? Потом, засмеявшись*). Да, и редакционные статьи. На пятой полосе и на шестой — балет, кино. Кстати, мне не нравится Дэн Уоллес, может быть, пригласим Поля Рассо. Он хорошо пишет.

Элтон. Если любишь всякую муть — лучше не найти.

Сидней. Конечно, Рассо иногда напускает туману, но кинематограф он знает, этого у него не отнять. (*Как будто это прямо относится к делу.*) Рассо — тонкая натура. Знаешь, он таскает в карманах клочки бумаги и записывает все, что поразило его за день — и хорошее, и плохое.

Элтон. А в пятницу складывает их в шляпу, хорошенько встряхивает — и недельное кинообозрение готово!

Сидней. Ну, это ты брось! Макс, давай эскиз клише.

Макс поднимается с места, торжественно подходит к столу, раскрывает папку и кладет прикрытый калькой лист перед ними. Затем округлым движением откидывает кальку и отступает на шаг.

Макс (*скромно*). Вот, примерный набросок.

Сидней и Элтон, прищурившись, всматриваются, потом удивленно переглядываются, поворачивают эскиз боком, потом вверх ногами. Макс возвращает его в прежнее положение. Сидней и Элтон снова прищуриваются. Наконец Элтон показывает на нижний край листа.

Сидней. Мушиный шрифт для названия газеты? И в самом низу полосы? Кто его разглядит?

Макс (*воплощающий сейчас в одном лице Галилея, Коперника, братьев Райт, Фрэнка Ллойда*). В том-то и штука. Вы помещаете маленькое клише на краю большого пространства, вот тут, внизу справа, и взгляд поневоле должен *искать*.

Словно непонятливые ученики, Сидней и Элтон следят за пальцем, движущимся книзу. Они молчат. Макс оскорблен в своих лучших чувствах и принимается собирать бумаги.

Сидней. Макс, это... это находка... Я только сейчас сообразил... Мне нравится!

Макс (*неумолимый, с горечью*). Я думал, вы хотите что-нибудь новое, не как везде. (*Хочет уйти.*)

Сидней. Постой, Макс!

Макс. Вот так всегда. Все вы, революционеры, одинаковы. Начинаете с огнем, а кончаете... дерьмом. (*Выходит.*)

Сидней встает.

Элтон. Послушай, Сидней, так нельзя. Можно подумать, что эту полосу оформляла целая куча генералов от искусства.

Сидней. Элтон, помолчи-ка. (*Догоняет Макса, берет у него из рук эскиз, рассматривает.*) Макс, ты абсолютный молодчина!

Макс (*продлевает момент неприступного величия, затем снисходит*). Сидней, надо менять клише каждую неделю.

Они входят в квартиру, идут к столу.

И играть шрифтами, понимаешь — староанглийский, готический, бодони. Смотря по настроению.

Сидней. До чего же ты изобретателен!

Макс. И менять местами! Каждую неделю располагать клише на новом месте!

Элтон (*неожиданно кричит*). Это же газета! Газета, черт вас возьми, а не авангардистская штуковина!

Макс. Нет, он ничему не научился. Знаешь, Сидней, посадил ты себе на шею эту мартышку, теперь она с тебя не слезет. Для Элтона газета не эстетическое приключение, а... *(дурачась, принимает напыщенный вид и поднимает кулак)* оружие!

Входит Айрис и застывает на пороге. На ней желто-белая форма, в руках коричневая бумажная сумка с пилавом.

Айрис *(скрывая гнев под шуткой)*. Полон дом гостей? Кого же я приглашала сегодня на ужин?

Наконец они обращают на нее внимание.

Элтон. Ты угощаешь пилавом?

Айрис кивает, прикрыв веки: она знает, что теперь он останется. Элтон с готовностью поднимает руку, как примерный первоклассник на уроке.

Айрис. А ты, Макс?

Макс *(с дивана)*. Безумно люблю пилав. *(Потирает лоб и живот, смотрит на часы, не зная, как быть.)* Беда в том что... еще час назад я должен был встретиться с одной цыпочкой в «Черном рыцаре»...

Сидней. Жратва или женщина — перед этим выбором стоял первобытный человек.

Изображая дикаря, теряющегося перед загадками бытия, Макс закрывает глаза, мысленно сравнивая оба удовольствия.

Элтон *(подходит к Макс, заглядывает ему в лицо)*. Давайте посмотрим, как принимает решения первобытный человек...

Макс открывает глаза, соскакивает с дивана и начинает собирать вещи в надежде успеть на свидание. Айрис уходит в спальню.

Низ взял верх! Нет, Макс, ты не настоящий варвар, тот предпочел бы жратву. Ты только пишешь, как варвар. *(Следуя за Макс к двери.)* Послушай, где ты раздобыл такой наряд, старик? Словно приготовился позировать для «Лайфа»: «Наш корреспондент в гостях на нью-йоркском Монмартре». Куда девалась твоя борода?

Макс *(высокомерно, с сокрушительной иронией)*. В том-то и разница между мной и тобой. Я стал действительно свободным человеком. Я не пытаюсь выставить себя бунтарем — лучше быть им. Улавливаешь?

Потрепав Элтона по подбородку, уходит. Из спальни появляется Айрис, она в джинсах и свитере, в руках у нее письмо.

Айрис. Смотрите, письмо от Глории.

Элтон. Айрис, светик, а как дела на кухне?

Айрис. Отстань, дай прочесть письмо.

Элтон снимает со стены банджо, усаживается в качалку, перебирает струны. Айрис медленно поднимает удивленный взгляд. На лице у нее растерянность.

Послушай, Элтон Скейлз... Глория пишет, что ты просишь ее выйти за тебя замуж.

Элтон *(словно робкий подросток)*. Угу!

Сидней *(смотрит на Элтона, потом на жену, потом снова на друга)*.

Ты что, всерьез?

Элтон *(так же)*. Угу.

Сидней. Неужели так врезался?

Элтон *(в порыве грубоватой искренности, свойственной влюбленным мужчинам)*. Знаешь, если эта девчонка вернется сюда и не будет торопить события..., пожалуй, пропала моя голова.

Сидней. Черт побери. *(Жене.)* Кто бы мог подумать?

Айрис *(еще не оправившись от неожиданности)*. Никто.

Сидней. И что же она сказала: «да» или «нет»?

Элтон. Ничего. Сказала, что подумает, в отъезде... *(Словно подчеркивая свои слова, берет несколько струнных аккордов.)* Вот и живу две недели в напряженном ожидании. *(Внезапно прекратив бренчанье, запекает, аккомпанируя себе, «Полночный поезд». После нескольких фраз замолкает. Тягостная пауза. Встревоженно.)* В чем дело?

Сидней и Айрис молчат; неловкость положения усугубляется тем, что оба они понимают, как превратно истолковано их молчание. Сидней делает вид, что занят чем-то за столом. Айрис застыла на стуле, не зная, что сказать. Закипающий гневом Элтон останавливается прямо перед Сиднеем и, не сводя с него взгляда, говорит раздраженно.

Я спрашиваю, в чем дело, черт побери! Что-то вы невеселы, мои бледнолицые братья, ну-ка, выкладывайте все начистоту. Надо, видно, поговорить по душам. А ну, карты на стол!

Айрис. Не надо, Элтон.

Сидней *(просто)*. Тебе не надоело носиться со своим проклятым комплексом? Честное слово, от этого даже как-то неловко становится.

Пристально смотрят друг другу в глаза; Элтон, поняв, что обидел Сиднея, смягчается.

Элтон. Извиняться не собираюсь... Я вправе думать о людях что угодно. В этом мире. Даже о тебе, Сид...

Сидней. Есть недоразумения, которые дорого обходятся, Элтон.

Айрис. Да и кто мог ожидать, что вы с Глорией... Ты понимаешь, что я имею в виду: святой Павел Пролетарий и живой дух Мэдисона-авеню...

Элтон. Что ж, говорят, крайности сходятся. Кроме того... *(медленно)* мы нашли с ней общий язык!

Сидней *(с напускным безучастием)*. Вот как?

Элтон *(торжествующий любовник)*. Да, так!

Сидней. Еще одного красного вышибло из седла.

Айрис *(многозначительно смотрит на мужа)*. Все ясно, правда ведь, Сидней?

Сидней *(поняв, что жена хочет прекратить разговор)*. Абсолютно.

Айрис. Где мой «Вэрайети» *?

Сидней. Под яблоками.

Айрис *(запоздалая мысль)*. Я подумала и должна сказать, что мне не нравится это выражение.

Сидней. Какое выражение?

Айрис *(шутливо грозит пальцем)*. Насчет седла. Я знаю, откуда оно идет, и выражаю протест от имени моего краснокожего дедачероки...

Элтон. Я все понял, и хватит.

Айрис *(поворачиваясь к Элтону)*. Ну и зануда же ты, Элтон. На твоей негритянской проблеме свет, что ли, клином сошелся? Липа все это.

Элтон *(резко)*. Я родился с этой проблемой.

Айрис. Вот-вот! Тешишь себя всяким вздором. Человек как все, так нет, ему доставляет удовольствие разыгрывать из себя бедного негра.

Элтон. Я и есть негр, и не я изобрел правила игры. И пока думают, что быть негром — плохо, я буду твердить: да, я негр. Понятно?

Айрис *(с божественной легкостью)*. Потому и липа, что твердишь. В стране

* Театральный журнал.

полно людей, которые при первой же возможности забросили эту игру... Ты воображаешь, что ты какой-то особенный?

Элтон. Раз ты не поняла, ничего тут не поделаешь. *(Пожимает плечами.)*

Айрис. Конечно, каждый по-своему избавляется от комплекса вины. Элтон *(снова загораясь)*. Вина тут ни при чем!

Сидней. Да, бросьте вы. Будь хоть марсианином, если угодно.

Айрис *(усаживаясь с «Вэрайети» в руках, свистящим шепотом)*.

Герои, кругом герои — и ни одной выигранной битвы!

Элтон резко поднимается, идет к двери.

Ты куда?

Элтон *(оборачивается, ворчливо и словно виноватым тоном)*. Пойду возьму хоть вина к ужину. Больше ничего не надо? Может, сигарет?

Сидней *(усмехаясь)*. Больше ничего.

Элтон. А тебе, Смеющийся Томагавк? *(Выходит.)*

Айрис. Пожалуйста, цветов к столу. *(Открывает двери. Вслед ему.)*

Если намерен быть моим зятем, постарайся со мной ладить! Уж мне ли не знать, что от зятя взять Будешь каждый день приносить цветы!.. *(Кричит вдогонку.)* Лумумба! *(Айрис увертывается, и дешевая книжка, пущенная Элтоном, со стуком ударяется в дверь. Она входит обратно в квартиру, притворяет дверь. Мужу — тоном, исключаящим возражения.)* Насчет Глории держи язык за зубами.

Сидней. Разве я что-нибудь сказал?

Айрис. Сказать не сказал. Но сидел бледный, как смерть. Пусть сами разбираются. А ты помалкивай, слышишь?

Сидней *(чуть не кричит, выведенный из себя)*. Разве я что-нибудь сказал? Сказал, да, настырная ты женщина?

Айрис *(снова уткнулась в журнал)*. Знаю я тебя, всюду суешь свой нос.

Сидней подходит к жене, вкрадчиво, как кошка, стянувшая сало, подает новый эскиз первой полосы и тем же церемонным жестом, что и Макс, откидывает кальку. Айрис смотрит безо всякого выражения, прищуривается, поднимает взгляд на мужа, поворачивает лист вбок, потом вверх ногами, но Сидней возвращает его в прежнее положение и ведет указательный палец вниз, в точности повторяя движения Макса.

А-а, вы интригуете читателя? Лихо!

Сидней *(в ярости)*. Лихо, говоришь? А что это значит?

Айрис. Ты о чем?

Сидней. Я спрашиваю, что это, собственно, значит — лихо? Или это просто уничижительное словечко, поскольку ты не способна вникнуть и проанализировать...

Айрис. Я и не пыталась анализировать. Просто сказала, что думала, — лихо!

Сидней. Ты хочешь сказать, что это отличается от других изданий?

Айрис. Я хочу сказать, что это отличается от других изданий своей нарочитостью. Лихо!

Сидней. Дорогая, откуда ты взяла, что можешь судить о таких вещах, не очень в них разбираясь?

Айрис. Оттуда же, откуда ты взял, будто можешь быть редактором газеты.

Сидней. Это во всяком случае разумнее, чем воображать, будто ты актриса!

Айрис *(отложив журнал, медленно, оскорбленно)*. Ты лучше бы меня ударил, Сид. *(Убегает в ванную, оттуда слышны рыдания.)*

Сидней. Прости, я не то сказал. Не надо, Айрис. Прочти что-нибудь

из «Южных островов», я буду суфлировать.
Айрис. Не хочу.

Снова рыдания.

Сидней. Не надо, милая, иди сюда.

Пытается открыть дверь, но Айрис захлопывает ее. Он снова открывает дверь и почти втаскивает ухватившуюся за ручку Айрис в комнату.

Айрис (*шагает назад и вперед по комнате, невольно взвинчивая себя*). Зачем мне мучиться, зачем готовить роль, которую я никогда не получу? Им нужны девки, а не актрисы. (*Сварливо.*) А этот ваш Гарри Мэкстон, да он самый из них грязный тип, если хочешь знать. Я могу такое рассказать, что со стыда сгоришь. Я и роль не получила потому, что сказала «нет»!

Сидней остановился, полуотвернувшись, давая Айрис — уже в который раз — выговориться.

Сидней (*поворачиваясь к жене, мягко*). Айрис, все знают, что Гарри Мэкстон самый знаменитый импотент в Америке.

Айрис. Ну и что? От него всего можно ожидать. Он просто притворяется, чтобы скрыть свою истинную сущность...

Сидней (*недоверчиво*). Бабника?

Айрис (*с отчаянием*). Конечно! Ты же знаешь, какая это извращенная публика — актеры и прочие.

Сидней (*теряя терпение*). Даже эта публика не такая извращенная. Выдумывать жалкие предлоги — этим делу не поможешь.

Айрис. Сидней, оставь меня в покое. Не хочу я никакой роли. (*Она в обиде свернулась калачиком на диване.*)

Сидней (*не унимаясь, достает книгу, подходит к жене, встает подле нее на колени*). Айрис, милая моя Айрис... (*Устало кладет голову ей на колени.*) Мне так хочется чем-нибудь помочь тебе... Оберечь, защитить...

Айрис. Наверно, мне просто чего-то не хватает. Говорят, если у человека есть искра, он все равно добьется своего, все равно.

Сидней. Это — один из самых романтических и самых жестоких мифов нашей цивилизации. У очень многих есть «искра», и тем не менее их топчет толпа, которая карабкается на ту же вершину.

Айрис. Ради бога, Сид, перестань валить все на общество. Рано или поздно человек начинает понимать, что он сам в ответе за свою судьбу, — это и есть настоящая зрелость. Уж что-что, а это я усвоила из сеансов психоанализа.

Сидней. Хвала тебе, доктор Стайнер! Айрис, дорогая, даже самый лучший пловец не пересечет Атлантику, сколько бы психоаналитики ни твердили, что тут виновата его матушка.

Айрис. Нечего сравнивать. Никто не может переплыть Атлантику, однако же кое-кто добивается успеха в театре. (*Улыбнувшись, кладет руку ему на голову, и он усаживается у ее ног.*) Слаб ты на аналогии. Так же, как и в математике. Я сначала даже не поверила.

Сидней. Чему?

Айрис. Что ты не умеешь считать. Когда мы с тобой познакомились, я думала, ты меня разыгрываешь. Такая умница, а сколько трижды три — не знает. Господи, у нас дома почти никто не умел читать, зато считать умел каждый. (*Глядит на мужа, перебирая пальцами его волосы.*) Сколько будет семь и семь?

Сидней. Конечно четырнадцать.

Айрис (*быстро*). А четырнадцать и четырнадцать?

Сидней (*колеблется; она смеется, он устраивается удобнее у ее ног*)
Двадцать восемь.

Айрис. А двадцать восемь и двадцать восемь?

Сидней (*вдруг запутавшись*). Да ну тебя! Это уже высшая математика...

Оба смеются. Айрис обнимает мужа.

Айрис. Ты ведь и представить себе не можешь, что это такое. (*Глядя в пространство, машинально перебирает его волосы.*) Бог мой, входишь через большущие двери в агентство... Напротив девица за столом, перед ней кипа фотокарточек чуть не до потолка. И видишь, что все ей до смерти надоело. Даже самым обходительным и милым — и тем до тебя как до лампочки. Таких, как мы, она видела миллион и сто тысяч. Едва на порог ступишь, а ей уже противно на тебя смотреть. Потом проходишь в приемную, где дожидаются эти самые миллион и сто тысяч — все напуганные, злые, готовые вцепиться друг другу в волосы. Ты садишься — такая же, как они, и не понимаешь, что ты чувствуешь, как выглядишь — ничего! Хуже всего, что абсолютно не знаешь, чего они хотят, как им читать. А когда попадаешь за дверь, уже вообще ничего не воображаешь. Только видишь их физиономии, и, ей-ей, даже хочется, чтобы кто-нибудь стал хотя бы заигрывать с тобой. Тогда бы я знала, что делать, потому что это — жизнь. Тогда можно бы и поккетничать и постараться понравиться, только со мной так ни разу не случилось, да и вообще бывает редко. Эта троица — продюсер, режиссер и драматург, — они смотрят на тебя, как на чурбан, и ждут, что ты покажешь что-нибудь захватывающее, чтобы им поспорить... А ты чувствуешь, что ни за что на свете не сумеешь прочитать так, как читала дома перед зеркалом — изобретательно, с блеском, как вчера вечером. И думаешь, на кой черт я торчу как идиотка перед этими мужиками. Какие-то глупые слова говорю и прыгаю, точно сумасшедшая... (*Подняв глаза на мужа.*) Знаешь, Сидней, мне иногда хочется быть... ну, жестче, что ли, (*тихо*) ну, как Глория.

Сидней. Глории как раз и не хватило жесткости, но не будем вдаваться.

Айрис. Ладно. Не будем. Словом, это просто трата времени. Сидней, я больше не пойду на пробу, мы это оба знаем. Не могу я видеть эти двери, боюсь... Господи, как будто мне не двадцать девять, а все сто!

Сидней. Айрис, распусти волосы.

Айрис (*грубовато, но не сердясь*). И дались тебе мои волосы... (*Смеется, сквозь слезы.*) Смешно, когда тебя любят за красивые волосы, правда?

Сидней. Ну же распусти волосы. (*Он тянется и вытаскивает у нее из головы шпильки, конна волос падает ей на плечи, чуть ли не закрывая лицо. Он встает, подходит к радиоле, ставит пластинку, поворачивается, ждет. Через несколько секунд тишину разрезают берущие за душу переборы банджо, звуки растут, ширятся, становятся громче, быстрее, и вот уже неудержимо льется буйная кентуккийская песня.*) Потанцуй для меня, Айрис Пародус... Сошли с холмов и потанцуй для меня, Девушка с Гор.

Айрис (*посмотрев на него сквозь распущенные волосы*). Я не в настроении, Сид, аппалачской девушки из меня сегодня не получится...

Они пристально смотрят друг на друга. Музыка продолжается. Снаружи к двери подходит Мэвис Брайсон, старшая сестра Айрис. Она похожа на Айрис, но крупнее, рыжеволосая, одета более модно и без налета божественности. Она стучит. Айрис поднимается, открывает дверь и тут же

захлопывает, прижавшись к ней спиной и раскинув руки. Имея в виду содержимое коробки, что в руках у сестры:

Не хочу я его, мне не нужно, я не возьму!

Мэвис. Ты только примерь — единственное, о чем прошу.

Айрис неохотно отворяет дверь, пускает сестру.

Привет, Сид!

Сидней. Привет, Мэв!

Мэвис (*открывая коробку, оживленно*). Нельзя ли перенести этот кошачий концерт на другой раз? (*Выключает радиолу.*)

Айрис. Мы же не ходим на вечеринки с коктейлями, Мэв. Во всяком случае, на такие, куда надевают эти платья. И вообще ты выбрала неудачное время, вот что я тебе скажу. У меня сегодня нет никакого настроения играть в любящих сестричек и...

Мэвис подходит к Айрис и ласково закрывает ладонью ей рот, прервав на полуслове. Набрасывает на нее платье.

Мэвис. Пожалуйста, перестань. Я сама выбирала, тебе безумно пойдет. (*Застегивая крючки и молнии, доверительно.*) Что это за чудовищная вывеска у вас в окне, дорогая? Это так вульгарно.

Айрис обличительным жестом показывает на Сиднея.

От Глории что-нибудь есть?

Айрис. Ни строчки.

Мэвис. Постой, тут надо расправить... Ну, разве что-нибудь увидишь, когда торчат эти...

Айрис подтягивает джинсы под подол.

Потрясающе!

И в самом деле потрясающе, потому что чего-чего, а вкуса к простоте и элегантности у Мэвис не отнять; платье отлично сидит на Айрис.

Теперь тебе к пасхе надо раздобыть пару новых тапочек, и все!

Сидней (*одобрительно*). Молодец Мэвис, ты начинаешь выражаться по-человечески. Выпить не хочешь? (*Подходит к бару.*)

Мэвис. Тебе не кажется, Сидней, что последнее время ты слишком много пьешь? (*Обращаясь к Айрис.*) По-моему, ты говорила, евреи не пьют.

Сидней (*возвращается*). А я приспособился к среде.

Мэвис. Откуда Глория писала последний раз?

Айрис. Из Майами-Бич. (*С досадой на себя за то, что проговорилась.*)

Вот лиса — ну непременно выпытаешь!

Мэвис. А ты не скрывай. (*Сиднею.*) Зачем она скрывает? Майами-Бич. (*Пауза.*) И она там...

Айрис. А как ты думаешь — конечно!

Мэвис (*приложив кончики пальцев к глазам*). Бедняжка. Благодарю судьбу, что папа не дожил...

Айрис. Не надо, Мэвис. Сегодня я не желаю обсуждать эту проблему. У Глории, как говорится, своя жизнь, у нас своя. (*Уходит в спальню.*)

Мэвис. Она скоро приедет?

Айрис. Ничего об этом не пишет. (*Снова появляется.*)

Мэвис. Когда?

Айрис. Мэв, тебе не надоело? Она все равно не захочет тебя видеть. Зачем ей слушать твои нотации?

Мэвис. Ты, конечно, не читаешь нотаций.

Айрис (*наливая себе выпить*). Мэвис, тебе за Сиднея надо было бы выйти замуж, не будь ты самой яркой антисемиткой в мире. Что ты, что он — к каждой бочке затычка.

Мэвис. Оставь свои шуточки, и вообще я тебе сотый раз повторяю: никакая я не антисемитка. *(быстро)* Сидней, ты ведь не считаешь меня антисемиткой, правда?

Айрис. А ты забыла, как тебя чуть удар не хватил, когда мы поженились? Ты даже начала брать сеансы психоанализа, а это значит, что либо ты безумно любишь меня, либо безумно ненавидишь евреев — выбирай!

Мэвис *(сверля сестру гневным взглядом)*. Ну, знаешь, Айрис, иногда ты... *(Пауза.)* Она не пишет. Может быть, ей что-нибудь нужно?

Айрис. Да ничего ей не нужно. Она как сыр в масле катается. Нам бы так! *(Подмигивая.)* Вот придет, мы с ней вместе подзаработаем.

Мэвис. Айрис, у тебя грязные мысли.

Айрис. Да, моя сестра дорогая кокотка, модная шлюха — ну и что? Она загребает не одну тысячу в год, да еще не платит налогов, у нее своя жизнь — и что? *(Она пожимает плечами, в полнейшей уверенности, что ее вины тут нет.)*

Мэвис *(с укором)*. Ведь это твоя младшая сестра — как ты можешь так говорить?

Айрис. Да ну тебя с твоей пуританской моралью. Такие вещи меня не волнуют.

Мэвис *(уставившись на сестру)*. А что тебя волнует?

Айрис. По чести сказать, в нашем обществе, которое подавляет сексуальную свободу...

Сидней *(выведенный из себя, взрывается)*. Да замолчи же в конце концов! Терпеть не могу, когда ты, толком не разобравшись, повторяешь болтовню всяких свихнувшихся на сексе кретинных, даже не поняв, что к чему!

Айрис *(возмущенная до глубины души)*. Позволь мне иметь собственное мнение!

Сидней *(жестко)*. Нет, не позволю! Не позволю, потому что это мнение основано на высокомерном невежестве.

Айрис. Уж ты-то помолчал бы. Ты же последний из викторианцев.

Сидней. Неужели? Слишком много чести старухе Виктории. Если викторианцы вообще во что-то верили, так только в то, что обществу нужны шлюхи. Они, радость моя, были отнюдь не против «греха». Они только требовали, чтобы сохранялась видимость добродетели.

Мэвис. Придумают же, о чем говорить!

Айрис. Все равно наше общество подавляет сексуальную...

Сидней. Послушай, Айрис, дорогая... *(В отчаянии хватается за голову, хочет, чтоб его поняли.)* Как бы тебе объяснить в присутствии Мэвис.

Мэвис кидает на него обиженный взгляд.

Виктория давно умерла, сейчас совсем не трудно позабавиться... ты меня понимаешь... с какой-нибудь приятельницей и не нужно бежать к проституткам. Поняла? А те, кто бегают, отнюдь не совершают сексуальной революции, которую ты так приветствуешь. Им кажется, будто они бросают вызов условностям — на самом же деле они недалеко ушли от дремучего средневековья! А вообще-то, должны же существовать какие-то человеческие отношения, не захватанные грязными лапами коммерции, как ты думаешь?

Айрис. Ничего не думаю. Мне безразлично — вот и все.

Мэвис. Сидней, Глория просто больна. Она не плохая, она очень и очень больна.

Айрис. Она даже берет сеансы психоанализа, если хотите знать!

Сидней и Мэвис оборачиваются, пристально смотрят на нее, он — торжествующе, она — в растерянности.

Говорит, что помогает...

Сидней (*искоса кинув взгляд на Мэвис, обращается к жене, терзая ее, как кошка мышью*). Айрис, что же ты не объявишь Мэвис новость?
Мэвис (*Сиднею*). Новость? Какую?
Айрис (*мужу*). Вот болтун!
Мэвис (*оборачивается к сестре*). Что случилось?
Айрис (*помолчав*). Один наш знакомый хочет жениться на Глории.
Мэвис (*прикрыв глаза, откидывается назад, словно наконец-то всевышний внял ее молитвам*). Дай ему бог здоровья! (*Открывает глаза.*)
А кто он такой? (*Обеспокоенно, Сиднею.*) Кто-нибудь из твоих дружков? (*Тот кивает, Мэвис придирчиво к Айрис.*) А чем он занимается?
Сидней (*сдерживая смех*). Если уж начистоту — служит в книжной лавке.
Мэвис. Где-где?
Сидней. В книжной лавке, говорю. Несколько часов в день. (*Развеселившись.*) Ну и, кроме того, был коммунистом.

Свояченица воззрелась на него, раскрыв рот, потом переводит взгляд на сестру и делает шумный выдох, как бы показывая, что в этом доме можно ожидать чего угодно.

Ничего страшного, Мэв. Это особый тип красного.
Мэвис. А он знает... э...
Сидней. Чем Глория зарабатывает на жизнь? Нет. Она ему сказала, что она манекенщица.
Мэвис (*с надеждой*). Послушай, ведь эти люди... я имею в виду коммунисты и прочие... они, наверно, свободно смотрят на некоторые вещи... (*Жалобно.*) Как ты думаешь, Сид?
Сидней. Как сказать... Есть *эти люди*, а есть еще и *те люди*.
Мэвис. А он красивый? Ну, а Глория?.. Она-то как?
Сидней (*намеренно продлевая удовольствие, которое доставляет ему эта игра*). Так себе...
Мэвис. Я знала, что этот кошмар должен кончиться... Просто так получилось, и все... В наши дни... Так уж устроен...
Сидней. Он еще и негр, Мэвис.
Мэвис. ...мир. Люди не могут преодолеть... (*низким, грудным голосом*) Кто негр?
Сидней (*не спеша*). Коммунист — негр, то есть он больше не коммунист... Но он негр.
Мэвис (*открыв рот, переводит взгляд с одного на другого*). И вы... (*Молча вертит головой.*) И вы... (*сбравшись наконец с духом, подходит к Сиднею*) так спокойно об этом говорите?
Сидней (*грозя ей пальцем*). Мэвис, мы живем в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году, не забудь. «Неприсоединившиеся нации», «Свободный мир»... Можно подумать, что ты отстала от жизни.
Мэвис. Мне кажется, ни черта тут смешного нет. (*Снова смотрит то на Сиднею, то на сестру.*) За кого же вы Глорию принимаете? (*Не понимая двусмысленности вопроса.*) Если это одна из ваших богемных штучек, то знайте: не умно и не остроумно. Да уж лучше ей...
Сидней (*заканчивает за нее фразу*). ...идти с любым прохвостом, который к субботе сэкономит сотню?

Они в упор смотрят друг на друга.

Мэвис. Но есть же другие мужчины! Насколько мне помнится, на белом свете не так уж мало нормальных, порядочных, красивых мужчин с белой кожей, которым хочется взять в жены нормальную белую женщину...

В это время сверху по лестнице спускается Дэвид Реджин, живущий в квартире над Брустайнами. Он распахивает дверь и входит — худой, порывистый молодой человек с несколько искусственными манерами, небрежно одетый, как того требует последняя мода. Искусственность заключается в том, что он подделывается под грубость, хотя отнюдь не всегда

Айрис. А, Дэвид, привет! Познакомься с моей сестрой, миссис Брайсон.
Мэвис. Здравствуйте.

Дэвид усаживается.

Айрис (*насмешливо, Дэвиду*). Мне-то все равно, но у них там принято стучать в дверь и здороваться, когдаходишь.

Дэвид (*устало, не обращая никакого внимания на Мэвис*). У тебя есть бумага?

Айрис. На столике в спальне.

Дэвид выходит в спальню.

Дэвид — драматург, он живет над нами. А мы, как правительство, его субсидируем.

Мэвис кивает, обращается к Сиднею.

Мэвис. А он милый... Женат?

Сидней (*просто*). Дэвид обходится без женщин.

Мэвис не понимает.

Гомик.

Она снова не понимает.

Ну, гомосексуалист. (*Для пуцего эффекта.*) Абсолютный!

Мэвис. А-а! (*Подумав*) Ну, может, ей захочется отдохнуть...

Снова появляется Дэвид, подходит к бару, чтобы налить себе виски.
Мэвис собирается идти.

Мне, пожалуй, пора. Мы договорились с Фредом встретиться. Кстати, Айрис, я тебе еще не говорила? Фреда назначили директором строительства плотины на Фолк-ривер. Как тебе это нравится?

Сидней поражен.

Айрис. Как видно, талантливая мы семейка. По какой дорожке ни пойдём... (*намеренная пауза, чтобы разъярить сестру*) всюду везет...

Мэвис. Айрис, тут люди.

Айрис. Дэвид не люди. Он писатель. Кстати, он обожает проституток. Считает их единственными настоящими женщинами, на них, так сказать, вертится мир. правда ведь, Дэвид?

Мэвис. Беда в том, Айрис, что твои двусмысленные остроты несколько не помогают делу.

Сидней (*обдумывает сообщение Мэвис*). Так, значит, Фред процветает?

Айрис, сразу все поняв, вскидывает на него глаза.

Айрис. Берегись, Мэвис!

Сидней. Помолчи ты!

Мэвис (*вежливо*). Сидней, дорогой, ты же знаешь, что Фред не даст денег на ночной клуб.

Айрис. Ночной клуб умер. Да здоровствует газета!

Сидней (*жене*). Это был не ночной клуб.

Мэвис. Газета. (*Глубокий вздох и материнское увещивание.*) Эх, Сидней, Сидней! Ведь тебе тридцать семь. Когда же ты наконец станешь взрослым? (*Качая головой.*) Газета, подумать только.

Сидней (*ощетинившись*). А чем же, по твоему просвещенному мнению, должен заниматься «взрослый» человек?

Мэвис. Я знаю, что твой брат Мэнни несколько раз предлагал тебе место в своей фирме. Тебе повезло, у твоего брата есть положение. Такому, как Фред, все дается гораздо труднее, гораздо.

Сидней. Мэвис, а что, если я попытаюсь — хотя заранее знаю, что это бесполезно, — попытаюсь объяснить тебе, что я считаю своего брата Мэнни неудачником? Я считаю неудачником и Фреда. Они оба с самого рождения приняли сложившиеся обстоятельства. А я признаю лишь те обстоятельства, которые создаю сам. Я сам решаю, что мне делать. Я хочу издавать газету или... или уеду и буду работать шофером скорой помощи в Анголе. Но я ни за что не стану винтиком какой-нибудь компании.

Мэвис (*уже ничего не слыша после слова «Ангола», растерянно хлопает глазами*). Где ты хочешь работать шофером?

Айрис. Сидней, да ведь ты не умеешь водить машину...

Сидней. А, ладно!

Айрис (*уперев руки в бока, Дэвиду*). Ну вот, а ты говоришь, что Хемингуэй никуда не годится.

Мэвис. Мне и в самом деле надо идти. (*Сестре, тихо.*) Ты дашь мне знать, когда Глория приедет?

Айрис (*с глубоким вздохом*). Мэвис, рано или поздно тебе придется понять, что у Глории собственная жизнь и она не нуждается в материнской опеке. Живи и дай жить другим, вот и все.

Мэвис. Скверная философия, придуманная, чтобы снять с себя ответственность.

Сидней. Мэвис, пожалуйста, уходи. Я вынужден согласиться с тобой, а это всегда меня злит.

Мэвис (*натягивая перчатки, Дэвиду*). И что же вы пишете, молодой человек?

Дэвид. Вам это неинтересно.

Сидней. Расскажи о своей новой пьесе, Дэвид. Все равно, она сегодня тут такого наслушалась.

Дэвид. Отстань, Сидней.

Сидней. Дэвид предпринял окончательную попытку высвободить театр из тисков ибсеновского натурализма — я точно формулирую, Дэвид?

Дэвид безразлично взирает на них: он неизмеримо выше булавочных уколов.

Одна его пьеса уже репетируется.

Мэвис. Как интересно! А там нет роли для Айрис?

Айрис. Мэвис, тебя не просят.

Сидней. Ничего не выйдет. В пьесе только два действующих лица, оба мужчины — они состоят в браке, а действие происходит в холодильнике.

Мэвис (*подозрительно поглядев на Дэвида, отодвигается*). Понятно.

Дэвид. Я и не пытался втолковать тебе, о чем моя пьеса, — бесполезно. (*Подходит к плакату, читает и поворачивается к Сиднею, качая головой.*) Чем тебе на этой неделе не нравится местный «аппарат»?

Сидней. Ты читал «Геккльберри Финна», Дэвид?

Айрис (*расставляя тарелки для ужина; кивая на мужа*). На этой неделе он играет в Гека Финна.

Сидней (*кричит дребезжащим голосом, пародируя актера Хэла Холбрука, который играет словоохотливого, воплощающего совесть человечества старика — Марка Твена*). И потому бесконечно счастлив, Айрис! Не нравится тем, Дэвид, что это — «аппарат». «Аппа-

- рат» с боссом, который засел там, как в крепости. Не верьте в боссов! Верьте в свободных людей, как старик Геккльберри.
- Дэвид (*качая головой*). Так я и думал. Сидней, неужели ты еще не понял, что после второй мировой войны человечество нельзя делить на плохих людей и хороших?
- Мэвис. Совершенно верно. Если присмотреться, политики везде одинаковы.
- Сидней (*воздев руки, как для молитвы*). И воссиял над Западом свет веры новой, и услышали слово новое: (*заунывным голосом*) «виновны, отец Камю. Все мы виновны, все... Ipso facto* всякая вина наша — общая вина... И потому с чистой совестью отвернемся от дел людских... и от мыслей людских...»
- Дэвид (*сдерживая ярость*). Давай издевайся... Куда легче издеваться, чем чувствовать всю боль мира.
- Сидней (*словно заморожен звучанием этого всемогущего затасканного словца*). «Боль!» Да, боль, потому что мы видим те темные расщелины, которые ведут в пещеры бездействия, где пребывали наши первобытные предки. (*Стоит, согнувшись, свесив руки, затем взбирается на столик, оттуда на диван.*) Изначальный дух, породивший прежде всего творца зла, самого Вельзевула. (*Почти кричит.*) Человек! Жалкая и жадная игрушка (*спрыгивает с дивана и воздевает руки к небу*) древнего каннибализма и таинственного всеобъемлющего зла! У-у-у! (*Просунув руки сквозь прутья качалки, скалит зубы и рычит на присутствующих, демонстрируя философию извечного зла.*)
- Мэвис. Только сегодня я сказала Фреду: «Что ни говори, у Айрис и Сида всегда услышишь что-нибудь интересное».
- Дэвид (*наконец немного оживившись*). Ну, скинешь одного босса, сядет другой — какая от этого польза?
- Сидней. Польза... Дорогой мой, быть полезным — прошу прощения за высокие слова — это значит хоть как-то выражать настроения народа, и все.
- Дэвид (*отмахиваясь, язвительно*). Ну вот, пошел. (*Качает головой.*) Начитался Шоу.
- Сидней. Хорошо, раз уж речь зашла о драме, о чем твоя пьеса, Дэвид?
- Дэвид. Почитай — сам скажешь.
- Сидней. Нет, ты скажи.
- Дэвид. Не мне объяснять...
- Сидней (*за Дэвида*). «...каждый найдет в ней то, что привнесет от себя». Так?
- Дэвид (*сообразуясь с ситуацией*). Говоря попросту — так!
- Сидней. Тогда скажи мне вот что. На каком основании ты считаешь себя художником, творцом, а зрителей всего лишь потребителями искусства — ведь им приходится создавать пьесу за тебя.
- Дэвид. Я-то знаю, о чем она.

Сидней выжидающе смотрит на него.

(*Раздраженно.*) Я уже сказал: мои пьесы должны говорить сами за себя.

Сидней. Но кому? И что? Для кого они написаны и, главное, зачем они написаны?

Дэвид (*поднимается: хозяин несносен*). Тебе не нравится, как я пишу, потому что я разрушаю стены ибсеновских клеток и правоучения Шоу. Но это твоя беда, Сид, а не моя.

Мэвис (*растерянная и словно зачарованная, она на протяжении всего спора отчаянно вертит головой, пытаюсь вставить хоть сло-*

* Тем самым (лат.).

во). Ума не приложу, куда подевались из литературы нормальные люди с нормальными проблемами.

Сидней (*перебивая Мэвис, Дэвиду, величественно*). Не надо нападать на тех членов моей команды, которых ты считаешь уязвимыми. Потягайся с моими звездами, Дэвид. Или Еврипидовы маски и красноречивые шекспировские призраки тебе не под силу?

Они готовы вцепиться друг в друга.

Дэвид. Ты что, отказываешься от Ибсена и Шоу?

Сидней. Ни за что! Зато ты, кажется, отказываешься от Еврипида и Шекспира?

Айрис. Если б вы знали, как мне надоел этот шахматный турнир.

Дэвид (*направляясь к двери*). Скажу только одно: я пишу, потому что не могу иначе, и пишу то, что должен писать. Тебе этого не понять. Что бы ты ни говорил, я все-таки пишу. Пишу кровью сердца. Да, мне бывает страшно, но я все равно пишу.

Входит Элтон с пакетами и цветами.

А, доктор Кастро, если не ошибаюсь!

Элтон (*в тон*). Чтоб я пропал, это же сам Жан Жене.

Обмениваются рукопожатием.

Сидней (*берет пиво*). Ты где пропал? Сам пиво варил, что ли?

Айрис (*берет цветы и многозначительно переглядывается с мужем*).

Дэвид, ты останешься ужинать?

Дэвид. Конечно.

Айрис (*пока остальные рассаживаются*). А ты, Мэвис?

Мэвис. Что ты, дорогая! Я же условилась встретиться с Фредом.

Мэвис медлит; с того момента, как появился Элтон, она не сводит с него наметанного глаза свахи.

Айрис. Элтон, познакомься с моей сестрой. Мэвис, это Элтон Скейлз.

Мэвис. Здравствуйте.

Элтон. Здравствуйте.

Он идет к столу. Мэвис провожает его восхищенным взглядом.

Мэвис (*Сидней*). Он женат?

Сидней. Нет.

Мэвис. А он не... (*Хочет спросить: «Не гомосексуалист?»*)

Сидней. Мы еще не разобрались.

Мэвис (*неестественно звонким голосом*). До свидания, мистер Скейлз!

Элтон. До свидания.

Сидней (*как бы между прочим*). Да, Мэвис, это тот самый, о ком мы тебе рассказывали.

Мэвис не понимает.

Из книжной лавки.

Молчание. За исключением Дэвида все присутствующие понимают значение этой минуты для Мэвис. Каждый по-своему делает вид, что занят едой; они обмениваются взглядами, в которых насмешливое сожаление смешано с ребячливостью, предоставляя ей самой выпутаться из неловкого положения. Мэвис медленно поворачивается к Элтону. Она не привыкла к подобным ситуациям, которыми изобилует современная жизнь. Пауза затягивается, за столом усиленно жуют и переглядываются. Элтон тоже молчит, со своей стороны готов решительно ко всему: то ли его чмокнут в щеку, и он сам, улынувшись, поцелует Мэвис, то ли услышит возмущенный крик и тоже закричит, получит пощечину и ответит тем же. Единственное, на что способна при данных обстоятельствах Мэвис, беспомощная конформистка,— это еле слышно выдать уже сказанные ранее слова

Мэвис. А-а... Здравствуйте.

Элтон (*спокойно поднимая брови*). Здравствуйте.

Он отворачивается, гнется за едой. Мэвис задумчиво смотрит на этот богемный, приготовленный на скорую руку ужин: огромная миска салата, бутылка вина, свечи, большая буханка хлеба, а за столом — люди, которых встретишь только здесь: молодой неразговорчивый гомосексуалист, молодой негр, который должен стать ее родственником, ее сестра, с распущенными волосами, очевидно, не испытывающая решительно никакой неловкости, и во главе стола — ее муж.

Сидней (*вдогонку направляющейся к двери Мэвис, с простодушным видом*). Ну вот, Элтон, ты и познакомился с Мэвис. Оплот республики, воплощенное материнское начало всего среднего класса во всем своем величии и мощи. (*Сопровождая эти слова, он даже поднял бокал в ее честь — за столом прыскают от удовольствия. Решительным тоном.*) Мэвис, ты как хочешь, но мы будем есть. (*Ударяя Элтона по руке.*) Куда лезешь — по очереди!

Мэвис у двери оборачивается.

Мэвис (*после долгого молчания, так что на нее начали поглядывать с интересом, снова предвкушая потеху*). Смотрю я на вас и думаю: до чего же самодовольные люди есть среди богемы! А меня уверяли, что... (*вот-вот расплачется*) творческим людям и интеллектуалам свойственно понимание и участие. Где же искать понимания в этом ужасном мире простым людям, к которым у меня хватает ума причислить себя... Если не у художников, ну и... таких, как ты, Сидней. (*Хочет уйти, но решила сказать напоследок еще кое-что.*) Особенно если учесть, что вы все так старались избавить нас от бога. (*Поворачивается и уходит.*)

Айрис (*ни нее, в отличие от Сиднея, красноречие сестры не произвело никакого впечатления. Толкая мужа в бок*). А ведь это камешек в твой огород!

Дэвид (*равнодушно*). Надо будет разобраться, почему при некоторых обстоятельствах у большинства людей возникает такая угнетающая защитная реакция.

Элтон (*слова Мэвис задела его больше всех*). Прекрати!

Дэвид (*поворачиваясь к Элтону*). Теперь меня начнет совестить заступник угнетенных.

Элтон. Заткнись же, надоело!

Дэвид (*сердито*). А ведь хорошо, что у одних есть элтоны, а у других дэвиды. И скажи спасибо дэвидам всего мира, Элтон: мы избавляем людей от крестных мук, которые ты так благородно и (*горько*) так благоразумно принял на себя.

Элтон вскакивает и идет к двери.

Айрис. Ты куда?

Элтон. Прости, если покажусь тебе чересчур щепетильным, но длительное общение с ненормальными действует мне на нервы.

Элтон выходит, с шумом захлопнув за собой дверь. Дэвид медленно кладет вилку и сидит неподвижно. Айрис, увидев, что Дэвид перестал есть, наклоняется к нему и ласково дотрагивается до его руки.

Айрис. Ешь, Дэвид. Ведь Элтон как ребенок, ты же знаешь.

Дэвид (*медленно поворачивает голову и смотрит на Айрис в упор. Потом произносит с невинным видом, готовя ловушку*). Ты ведь не против таких, как я, Айрис?..

Айрис (*безразлично пожимает плечами*). Конечно нет.

Дэвид. Ну конечно, ты вообще не бываешь против кого-нибудь. Но меня не устраивает «вообще». Надеюсь, он не станет анализировать причины своей нервозности.

Сидней (*взвываясь*). Дэвид, может, сегодня обойдемся без твоих раз-

глагольствований? Неужели ты ни на что другое не способен? Неужели ты в самом деле считаешь, что если человек нападает на другого, то это — от одиночества? Бред собачий!

Айрис (*жалобно*). Ты бы хоть сам помолчал, Сидней!

Сидней (*решительно поднимает руку: «Хватит!»*). Нет, не хочу! Надоело! Я слишком хорошо знаю признаки надвигающихся словоизлияний.

Айрис. Да не все ли равно?

Сидней (*кричит*). Не все ли равно? Это все, что ты можешь сказать? Значит, пусть свалится эта проклятая бомба, если кто-то захочет ее швырнуть, — тебе все равно? Значит, спешите вкусить от радостей земных, римляне, ловите последние горячечные деньки — тебе все равно? А мне не все равно, и мне не стыдно в этом признаться. Нужно слишком много сил, чтобы оставаться безразличным. Вчера я насчитал у себя двадцать шесть седых волос — и все потому, что старался быть безразличным. Дэвид, ты вот сочинил четырнадцать пьес о безразличии, об одиночестве, об отчужденности, о невозможности любить и понимать друг друга. А ведь ты хотел сказать о губительном воздействии общества, которое не хочет, видите ли, санкционировать твои особые сексуальные наклонности.

Дэвид. От тебя, кажется, благополучно ускользнул тот факт, что оскорбили меня, а не тебя.

Сидней. Если кто-то оскорбил тебя, двинь ему в морду. Если тебе не нравится брачный кодекс, выступай против — я тоже думаю, что он нелеп. Хочешь опубликовать заявление на этот счет, пожалуйста, я готов подписать. По мне, живи хоть с золотой рыбкой. Но ради бога, выкинь из головы, будто твои особые наклонности доступны пониманию только скорбных, возвышенных, измученных натур. (*Втыкая вилку в салат.*) А земля, на мой взгляд... (*вращая вилку*) все равно вертится.

Дэвид долго не сводит глаз с Сидней. Затем идет к двери.

Айрис (*спешит за ним*). Дэвид, садись, ешь. Не понимаю, что сегодня со всеми творится.

Дэвид. Прости, я еще не привык к обязательным социологическим блюдам, которыми в таком количестве (*кивает на плакат в окне*) начинают потчевать в этом доме. Я поем у себя. (*Быстро уходит.*)

Айрис (*закрывая за ним дверь*). Ну вот, угостили друзей, спасибо. Что на тебя нашло в последнее время, Сидней? Чего ты придираешься? Какое ты имеешь право воспитывать всех и вся? Оставь людей в покое.

Сидней (*в ярости*). Никого я не воспитываю. По тебе этого во всяком случае никак не скажешь.

Айрис (*уязвленная*). Что ж, тебе скоро придется выбирать между Маргарет Мид и Барбарой Аллен. И той и другой я быть не могу. Да и мне, видно, придется кое-что решать, ничего не поделаешь. (*Шепотом, самой себе.*) Что-то надо решать.

Сидней. Малейший предлог — и вытаскивается на свет заигранный психологический этюд на тему «Какая я несчастная».

Айрис (*сквозь зубы*). Почему ты думаешь, что все будут без конца терпеть твои оскорбления?

Сидней. Мир сам напрашивается на оскорбления!

Айрис (*терпение ее лопнуло*). Дошел до ручки! (*Начинает убирать со стола.*)

Сидней (*видя, что Айрис раздражена до крайности*). Прости, пожалуйста. (*Хочет помочь, но Айрис отстраняет его. Пауза.*) Сегодня собрание. Пойдешь?

Айрис. И не подумаю связываться, я ж тебе сказала.

Сидней. Хорошо, хорошо! Тогда пойдем к «Черному рыцарю», посидим, выпьем пива.

Айрис. Нет, я не хочу идти к «Черному рыцарю» и не хочу пива.

Сидней. Так, может быть, ты сама предложишь что-нибудь, может, скажешь, чего ты хочешь. Это будет твоим первым достижением за всю нашу совместную жизнь.

Айрис. Тебе, как видно, очень приятно изощряться в колкостях. Иди на свое сорище и оставь бедняжку жену в покое. *(Поворачивается к радиоле.)*

Сидней *(хватает пиджак, идет к двери, берется за ручку, останавливается, швыряет с досады пиджак на пол. Скорее себе, чем жене)*. «Оставь бедняжку жену в покое» и смотри, как охотно она опускается до растительного существования.

Айрис присела на подоконник; не поворачиваясь, смотрит на улицу. Тишина. Затем из радиолы слышатся хватающие за душу звуки гитары.

Айрис *(печально, еле сдерживая слезы)*. Даже наши ссоры, Сид, стали другими. Что-то ушло или, наоборот, появилось — не знаю. Но у меня уже не возникает через час желания мириться с тобой. Это плохо, правда?

Сидней. Да, плохо.

Он поворачивается, смотрит на жену — она плачет, — потом поднимает пиджак и выходит.

Айрис *(сквозь слезы, вслед)*. Так давай же драться за то, чтобы было хорошо, понимаешь! Драться, как черти!

Сидней останавливается на лестнице и, вцепившись в перила, глядит на дверь, за которой его жена, застыв, смотрит ему вслед; в этот момент сцена темнеет, освещены лишь они двое, и голос Джоан Баэз, поющий «Через все испытания...», заполняет театр.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

На следующий день. Перед рассветом.

Слабый свет забрезжившего рассвета освещает площадку наружной лестницы над дверью в квартиру Брустайнов. На этой площадке Сидней; он лежит на спине, заложив руку за голову, одна нога согнута, другая перекинута через нее. В этот час Нью-Йорк — особый мир, известный лишь немногим из его обитателей; тишину огромного спящего города только подчеркивают знакомые звуки: изредка взвояет сирена, сигналившая в тумане на Гудзоне, и время от времени прошелестят по асфальту шины или прогрохочет молочная цистерна. В квартире темно.

Сидней садится, берет банджо и, свесив ноги над внутренним двориком, начинает тихонько играть. Кажется, будто мелодия эта — печальный, трепетный горный блюз — выхвачена из того мира, который его так манит. Свет становится призрачным, нереальным; перед зрителями как бы возникает горная вершина его мечты. Не слышно даже далекой сирены — город отодвинулся куда-то несомненно далеко. Еще несколько тактов — и музыка как бы взмывает в воздух, темп ускоряется: это уже бойкий лихой деревенский танец; появляется Айрис — им воображаемая, босая, с распущенными волосами, в холщовом платье. Она поднимается по ступенькам. Она обнимает его, и вот, словно в ней пробудился древний инстинкт горцев, она уже захвачена этими ритмами и начинает танцевать в тени перед ним. Этот танец — монтаж из движений и элементов американских народных танцев: «Нырянье за устрицей», «Большой круг» и т. д. Банджо Сидней ведет Айрис за собой, пока воодушевление обоих не иссякает; горная нимфа убегает, поцеловав его на прощание. Сидней сидит в

усталой позе, задумчиво перебирая струны. В квартире зажигается свет; из спальни выходит его жена; она завязывает на ходу пояс халата, зевает, трет глаза.

Айрис. Сид...

Он не отвечает и даже не слышит.

Сидней! *(Она зажигает лампу, растерянно озирается, затем идет к входной двери и высовывается наружу.)* Что ты там делаешь? Соседей перебудешь.

Сидней *(еще в своих мечтаниях)*. Им не слышно, Айрис.

Айрис *(у нижней ступеньки лестницы)*. Ох, Сидней, ты все-таки сумасшедший. Спускайся, я сварю тебе кофе. *(Достает из кармана пачку сигарет и закуривает.)*

Сидней *(качает головой)*. Тише! Слышишь — ручей? Нет ничего лучше, чем прозрачная вода ручья на рассвете. А нагнешься попить — видишь свое отражение.

Айрис *(неволью зачарованная)*. Ты простудишься, Сидней. Что за игра в такую рань. Иди в постель.

Сидней. Нет, Айрис. Поди сюда.

Она идет вверх по лестнице и опускается возле него на колени.

Посмотри на сосны — посмотри на эти дьявольские сосны! Так пахнут, что этот запах чувствуешь на вкус и на ощупь. А если взглянешь вниз, там сквозь дымку видна тоненькая полоска зари. На целые мили вокруг — ни души, и если прислушаться — как следует прислушаться, — услышишь даже собственные мысли.

Айрис *(обозревая это царство, ласково смеется)*. Ничего себе гора!

Сидней *(шутливо, но с гордостью собственника)*. Горка небольшая, зато наша.

Айрис. Сидней... сколько будет четырнадцать и четырнадцать? *(Улыбаясь проводит пальцами по его лицу — и на мгновение ему кажется, что она опять ему видится в мечтаниях.)*

Сидней *(глядя ее волосы)*. Нимфа... я помяну тебя в своих молитвах...

Айрис *(задумчиво глядя на него)*. Тебе и вправду здесь так нравится? Ты счастлив? Ты хотел бы жить прямо здесь, в лесу, да?

Сидней. Да. Хотел бы.

Айрис. И ты боишься попросить меня об этом, правда? *(Ответа нет.)* Боишься, что я погляжу на лес и на ручей и скажу: «Здесь — жить?!» *(Оба смеются над тем, как она передразнивает самое себя.)* И хуже всего, что ты не ошибешься. Именно так я и скажу. Я не хочу жить здесь. *(Чуть понурив голову.)* Прости. Мне тут холодно и скучно. Мне хочется посмотреть телевизор. Хочется с кем-то спорить до одурения. Хочется смотреть идиотскую картину в киношке или даже посидеть в ночном клубе, в самом дурацком ночном клубе с похабными анекдотами и бездарными танцовщицами. *(Смотрит на него.)* Я обманула тебя, правда, Сид? Необыкновенная девушка с гор превратилась в городскую пустышку. *(Очень ласково, не сводя с него глаз.)* Прости. *(После паузы, как бы продолжая думать вслух.)* Больше всего я ненавижу свои волосы. *(Пауза.)* Сколько ты обо мне не знаешь! *(Короткий смешок.)* Ты знаешь, например, что я пошу длинные волосы из-за тебя? *(Трясет волосами, опять коротко смеется.)* Каждая женщина ловит мужчину по-своему. Когда я приехала сюда, устроилась танцовщицей в этом заплеванном ночном клубе — ну, ты знаешь. Я там глядела на мужчин и думала — нет, это не те, которых я надеялась встретить, вырвавшись, наконец, *(оттеня кавычки)* в «большой город». Таких я могу видеть и у себя дома. Я как-то пожаловалась одной девушке, с которой мы вместе работали, — она знала все на свете.

И она мне сказала: «Ну, милая, если хочешь найти, что ищешь, ступай-ка в кабачок «Черный рыцарь» и посиди там». *(Улыбается.)* «Отпусти подлиннее волосы и иди к «Черному рыцарю». Похоже на балладу. Помнишь, когда я пришла туда в четвертый раз, волосы были только досюда. *(Показывает пальцем, насколько волосы были короче.)* А ты сидел там, в углу с *(припоминая)*, кажется, с Марти и Элтом? Да, с Марти и Элтом. Ты сидел и разглагольствовал. И я сказала себе: «Вот он!» Потом я стала глотать витамины, чтобы волосы росли быстрее.

Он тихо и восхищенно смеется: «Ох, Айрис!»

Нет, правда! Клянусь! Та же самая девушка раздобыла мне и витамины. И... ну, что-то, в конце концов, помогло!

Сидней. Это прелестно!

Айрис. Женщины все-таки дурищи, правда? Какой только чепухи они не придумают... Насчет жизни и вообще. И ничто, понимаешь, ничто их с этого не собьет. Десять лет назад, когда я сошла с поезда, привезшего меня из Тренерсвилля, я твердо знала одно: «Хочу видеть мужчин, которые... которые были бы как можно больше непохожи на моего папу».

Сидней *(берет ее руку)*. Слушай, Айрис. Слушай лес. Давай походим по лесу.

Айрис *(прижимаясь к нему плотнее)*. Слишком холодно. И темно. И в лесу мне страшно.

Сидней. Ладно, тогда пойдем в нашу хижину, я разожгу здоровенный костер и сварю горячего кофе.

Она молча смотрит на него.

Тебе хочется обратно, в город, да?

Айрис. Да.

Сидней. Тебе так тут плохо?

Айрис. Да. *(У нее на глазах навертываются слезы — она сама не знает почему, но это — слезы по рухнувшим надеждам. Она жестом показывает вокруг.)* Я родилась в таких же местах, ты ведь знаешь, в настоящей глуши. Понимаешь, там не надо никуда ездить, чтобы видеть все это. Сидишь на заднем крылечке — и вот оно, вокруг, то, от чего хочется бежать, бежать хоть к черту на рога, только поскорее. Все мы чувствовали одно и то же — и я, и Мэв, и Глория.

Сидней. Значит, ты всегда ненавидела мою гору. Я не знал.

Айрис *(нечто вроде горестного стопа, порожденного желанием заставить его наконец понять)*. Да нет же, не всегда... Первые два года мне просто хотелось делать все, как ты хотел, быть там, где был ты, — понимаешь, чтоб было дико и романтично, как нам представлялось... *(Бурный взрыв отчаяния.)* Я думала, все будет иначе. Папа был такой грубый, тупой... Знаешь, за всю свою жизнь он не высказал ни одной отвлеченной мысли; а у него хватало времени подумать, если уж на то пошло. Не так уж много он трудился. И каждая из нас... понимаешь, мы все росли, мечтая о том, чего каждой, как ей казалось, недоставало в отце. Мне хотелось встретить кого-то, кто... ну, умел бы мыслить. Мэвис хотелось чего-то надежного и простого. А Глории — ну, ты знаешь — богатых мужчин. И побольше. *(Предостерегающе поднимает руку.)* Знаю, сейчас опять скажешь, что это — домашний психоанализ, а все-таки...

Сидней. Я ничего не хочу сказать, Айрис. Я слушаю. Право же. Я слушаю тебя.

Айрис. А теперь со мной что-то творится, что-то во мне изменилось. С тех пор как мы поженились, Сидней, иногда я думаю, что если...

если мне и дальше придется слушать эти разговоры — Элтона, и Макса, и Дэвида, и... и твои, я зачахну и умру. Знаешь, чего я хочу, Сидней? Мне двадцать девять лет, и мне уже хотелось бы знать, что когда я умру, то хоть десять человек пожалеют об этом, а еще лучше сто... И я добьюсь этого. Добьюсь как угодно и чего бы это мне ни стоило. Вот чего я хочу.

Он кивает; он понял ее, и ему очень больно.

Ну ладно. Но тебе-то что это дает, Сидней? Уходить сюда и разговаривать с... этими... как ты их называешь?

Сидней (*усмехаясь*). С троллями.

Айрис. Да. Я пыталась заговорить с ними, но, кажется, им нечего мне сказать.

Сидней (*глядя вокруг*). Когда я прихожу сюда, я верю, будто эта планета — опять моя. В первобытном смысле. Человек и земля, земля и человек, понимаешь? Будто мы только что родились — земля и я — только что вышли на старт. И нет нигде ни грязи, ни боли — просто я и этот шар из минералов и газов внезапно выскочили вместе из космоса.

Айрис (*смотрит на него, склонив набок голову, как маленький щенок, и открыв рот.*) Мамочки мои!

Сидней. Я тебя очень люблю.

Оба замолкают; он берет банджо, начинает играть. Затем — опять тишина.
Долгая пауза.

Айрис. Сид, пожалуйста, отведи меня обратно, в город.

Он встает, перекидывает банджо через плечо, берет ее за руку, и они идут вниз по лестнице; волшебный мир Сиднея тускнеет, и свет становится обычным. Стреляют выхлопы проехавшего грузовика, и над городом начинается день.

(*Внизу лестницы, вдруг вспомнив.*) Сидней, сегодня вторник: надо платить за газ.

Затемнение

КАРТИНА ВТОРАЯ

Вечер, позднее лето.

В темноте слышно, как резким контрастом к настроению предыдущей сцены неистово гремит из громкоговорителя, установленного на грузовике, залихватская «Предвыборная песня Уолли О'Хара», исполняемая группой любителей под гулкий аккомпанемент гитар и сопровождаемая одобрительными криками толпы, которая с жаром подхватывает припев.

Песней мы старье выметаем,
Путь тебе расчистим сейчас,
Уолли О'Хара, Уолли О'Хара,
Уолли — самый достойный из нас!

Припев: Уолли О'Хара, Уолли О'Хара,
Уолли самый достойный из нас!

Мы голосуем, старье выметаем,
Боссов на свалку — вот наш наказ!
Уолли О'Хара, Уолли О'Хара,
Уолли — самый достойный из нас!

Припев.

Песня должна исполняться не артистично, а словно бы хором любителей, охваченных горячкой избирательной кампании; усилители, как водится в таких случаях, включены на полную мощность, и репродуктор то и дело смолкает или издает немыслимый треск. Однако недостаток умения с лихвой восполняется рвением и праздничной приподнятостью исполнителей. Зрители не слышат песни целиком: она то усиливается, то стихает. Сцена

освещается, и справа, оживленно разговаривая, входят Сидней и Уолли. У каждого под мышкой пачка листовок, а у Сиднея вдобавок свернутый флаг. Уолли обнял приятеля свободной рукой за плечи, глаза у него блестят, он явно возбужден. Что до Сиднея, то он скорее ошарашен. Музыка удаляется.

Уолли (*в восторженном изумлении*). Нет, Сид, правда, неужели ты ничего не чувствуешь? Неужели не слышишь, как волнуется улица — не то, что раньше? А как нас встретили на Кристофер-стрит, бог ты мой! Что ни говори, мы кое-чего недооценили. (*Смотрит в зал.*) Знаешь что, мы, кажется, победим. Сидней, дружок, мы победим на этих выборах! Я им покажу! (*Хлопает Сиднея по спине и уходит с флагом.*)

Сидней (*в его глазах — неверие. Обращаясь к залу*). Это какая-то болезнь. Сейчас в избирательной кампании начинается гонка обезумевших темных лошадок. И тут душой кандидата завладевает древняя, как и сами выборы, иллюзия. Ничего не поделаешь: такова уж его природа. Он действительно верит, что победит.

Насвистывая «Предвыборную песню», Сидней останавливается перед дверью и, с трудом удерживая листовки, лезет в карман за ключом; в этот момент входит Дэвид с пачкой газет, просматривая одну из них.

(*Дэвиду.*) Ну и как?

Дэвид (*сухо, словно о чем-то постороннем*). «Потрясающий, беспрецедентный успех». (*Подает Сиднею газету.*)

Сидней. Здорово, черт побери! Поздравляю! Придется тебе поднести.

Они входят в квартиру.

Айрис (*из спальни, угрожающим тоном*). Сид? Это ты разрешил Элто-ну оставить микрофоны в ванне?

Сидней. Вот шут гороховый. (*Звонит телефон, он берет трубку.*) Нет-нет... (*Разглядывая настенную карту Гринвич-виллидж.*) Вы попали в Восьмой избирательный округ. (*Кладет трубку.*)

Айрис (*не дожидаясь, пока Сидней кончит говорить; раздраженно*). Кто, интересно, дал наш телефон? Это квартира, а не штаб избирательной кампании. (*Кричит.*) Я целый день торчу у телефона!

Сидней (*жене, пытаюсь переменить тему*). Ты видела рецензии? Теперь можно уже не врать: мы действительно знакомы со знаменитостью.

Дэвид. Слушай, брось.

Сидней. Да нет, ты погляди... (*Читает вслух.*) «...Мистер Реджи нашел сценические средства, которые выходят за пределы языка. В его пьесе рушатся все фасады, исчезают все панацеи и ставятся под вопрос извечные вопросы бытия...» (*Подшучивая над самим собой.*) Вот и я говорю. (*Наливает Дэвиду. Они чокаются. Оглядывает комнату, ищет что-то глазами. Обращается к Айрис сладким голосом, опасаясь нового взрыва.*) Айрис, дорогая, а они не оставили билетов для рассылки? Надо разложить их по конвертам.

Айрис (*срывается на визг, сейчас она — настоящая фурия*). Если ты сегодня же не выкинешь этот мусор, я подожгу дом!!!

Сидней находит билеты, собирает стопкой на столе и принимается раскладывать их в конверты, что-то насвистывая и не обращая внимания на Дэвида.

Дэвид. Судя по недавним выходкам, ты, видно, полагаешь, будто этим можно что-нибудь изменить? И, конечно, к лучшему?

Сидней (*не попадается на удочку, весело*). Некогда мне сейчас, Дэвид, работы полно. Помог бы лучше. (*Звонит телефон, он поднимает трубку.*) Да, вас слушают... Нет, вы не ошиблись... Четвертая ули-

ца на самом деле пересекает Одиннадцатую. (*Кладет трубку, снова принимается за работу.*)

Дэвид (*смотрит на Сидней, словно изучая некий тип*). Что ж, я тебя не осуждаю. Я понимаю, что большинство людей, и людей думающих, еще долго упорствуют, даже поняв, что все это зря...

Сидней (*отложив очередной конверт, не глядя*). Ты имел в виду, что сказал Заратустра: «Бог умер»?

Дэвид. Да.

Сидней. Что прогресс — это иллюзия, а единственная реальность — ничто?

Дэвид. Ты меня поражаешь. Какое тут может быть сомнение?

Сидней (*откидываясь, наконец, на стуле — он в отличном настроении*). Совершенно верно, никакого, тем более что это не имеет отношения к человеческим делам. Спор на эту тему абсурден. *Почему мы существуем — пусть гадают недоросли. Как мы существуем — вот что должно заботить взрослых людей. Вот почему я недавно снова стал инсургентом.*

Склоняется над работой. Снова звонит телефон, из спальни выскакивает Айрис: еще один звонок, и она подожжет дом! На ней платье, подаренное Мэвис.

Айрис. Ну, знаешь что, Сидней... (*Увидев Дэвида.*) Дэвид, ты здесь! (*От души.*) Вот это рецензии, здорово, правда? И как ты себя чувствуешь в новом качестве?

Сидней (*в трубку*). Не может быть.. Понимаю, так-так...

Дэвид (*смущенный бурным проявлением чувств со стороны Айрис*). Да ладно... Ну, пойду работать.

Айрис. И сразу работать? Да ты что? Не хочешь понежиться в лучах славы?

Дэвид (*грустно*). А как это делается? Ну, пока! (*Уходит.*)

Сидней. Понимаешь, происходит что-то невероятное. Уолли, этот шут, в самом деле... (*Заметив наконец, что Айрис надела платье, подаренное Мэвис*). Ага, попалась-таки?

Айрис. А ведь я ничего в нем, как по-твоему?

Сидней. Вполне, если любить такой стиль. Но в других ты мне нравишься больше.

Айрис. Я знаю... Но сегодня я собираюсь уйти.

Сидней. Да? И куда же? (*Не слишком задумываясь над словами жены.*) У тебя вроде бы нет друзей... среди того букета, которым я себя окружил...

Айрис. Я сегодня говорила с Люсиль Терри. Она устраивает вечеринку с коктейлем.

Сидней. Люсиль Терри? Ах, да, Люсиль Терри! Откуда она, интересно, появилась? Я не знал, что вы еще встречаетесь.

Айрис. Мы и не встречаемся. Но знаешь, как бывает, — не видишься, а потом вдруг возьмешь да позвонишь... Вот и она, позвонила на прошлой неделе и сказала, что хочет собрать компанию.

Сидней (*кладя руку на телефонную трубку: все это ему глубоко безразлично*). Правда? Ну и как она? Постой, мне нужно позвонить Мики и начать этаким респектабельным тоном: «Алло, мистер Дэфо? Как вы поживаете, сэр...» Да... Налила бы выпить, что ли.

Айрис (*направляясь на кухню, глухо*). Люси не звонила мне, Сид. Я сама позвонила.

Сидней (*все еще занятый мыслями о предстоящем звонке*). Да? Знаешь, мне противно потакать Элтону с его узколобым взглядом на вещи, но поразительная штука: оказывается, в его теориях о базисе и надстройке определено что-то есть. Как только мы начали под-

держивать кандидатуру Уолли, у нас перестали помещать объявления два банка, ресторан и три фирмы по продаже недвижимости...

Айрис (*подавая ему рюмку, равнодушно*). Правда?

Звонит телефон.

Интересно.

Сидней (*берет трубку*). Риши, это ты?.. Что-что она говорит?.. Ну, конечно, вполне возможно, что О'Хара итальянец... Или его мать была итальянкой. (*Кладет трубку, к Айрис.*) Очень может быть, что она итальянка. (*Заметив, что Айрис стоит рядом и спокойно смотрит на него.*) Прости, родная, у меня сегодня что-то нет настроения идти. Особенно на шикарную вечеринку. В другой раз. (*Не понимая серьезности положения.*) Скажи, что мы ее обнимаем, но прийти не сможем.

Айрис (*пристально глядя в глаза Сидней*). Я не прошу тебя идти со мной.

Сидней выпивает рюмку. До него постепенно доходит смысл слов Айрис и важность момента.

Сидней. Правда?

Айрис. В том-то и дело. Я... я пойду одна.

Сидней. Понимаю. (*Они молчат и не смотрят друг на друга. От неловкости Сидней повышает голос.*) Значит, идешь на вечеринку. Ну и прекрасно. Иногда нужно развлечься одной. И правильно. Почему мы делаем из этого событие — что тут особенного?

Айрис. Потому что это не просто вечеринка. Потому что я хочу туда пойти и сама позвонила Люси.

Сидней (*очень взволнованный*). Ну и хорошо, зачем же так волноваться. Повеселись хорошенько.

Айрис (*грустно*). Может... может, приготовить тебе ужин?

Сидней (*поднимается и отходит, чтобы не встречаться с Айрис глазами*). Что?... Нет, не стоит, спасибо. Через час нам с Уолли надо быть на Макдугал-стрит. А после мы где-нибудь перекусим с ребятами.

Айрис. Пригласи их сюда. Там... в холодильнике полно всего... даже пиво есть.

Сидней (*все понял*). В холодильнике?

Айрис. Да. Ты уж извини, Сид.

Сидней. Поздно намерена вернуться?

Айрис. Думаю, что поздно.

Сидней (*наконец*). А кто там будет, на этой вечеринке?

Айрис. Откуда я знаю, кто там будет. Знакомые Люси.

Сидней. Знакомые Люси... Наверно, «будущие»?

Айрис. Что?

Сидней. Будущие, говорю. Будущие актрисы, будущие постановщики... Такие прямо льнут к Люси.

Айрис. Некоторые ее друзья процветают.

Сидней. Например, Бен Эш?

Она круто поворачивается к нему, и они обмениваются красноречиво-яростными взглядами.

Айрис (*оседлала своего конька*). Сид, давай кое о чем договоримся, признавая реальное положение вещей. А реальное положение вещей состоит в том, что между нами возникло какое-то отчуждение, и мы не знаем, что это означает. Поэтому давай, как цивилизованные люди, договоримся, что... что пока мы не осмыслим своих отношений... отношений ко всему... не будем задавать друг другу ненужных вопросов.

Сидней. Я буду задавать любые вопросы, какие захочу! Айрис, дорогая, ты что, все еще встречаешься с этим шутком?

Айрис. Мы виделись только однажды... после того раза.

Сидней. Однажды вполне достаточно.

Айрис. Он думает, что сумеет помочь мне.

Сидней. В каком смысле?

Айрис. Попасть на сцену, вот в каком.

Сидней. Почему же он не хочет повидать нас вместе?

Айрис. Не знаю. Наверно, он думает, что я уже взрослая.

Сидней. Еще бы!

Айрис. Но это не главное, Сид. Главное, что мне хочется жить по-другому. Не так, как...

Сидней. Как что?

Айрис. Не так... как сейчас. Чтобы не слышать этих бесконечных разговоров о реформах и Альбере Камю. Чтобы не экономить каждую монету на занятия с каким-нибудь бывшим актером, который дает уроки, потому что уже не может играть. Наверно, можно жить как-то иначе.

Сидней. От бывших к будущим! Прогресс, ничего не скажешь.

Айрис. Бен знаком с очень влиятельными людьми... С людьми, которые добиваются своего.

Сидней. Где?

Айрис. В театре да и в политике. Особенно в политике. Такие не болтают, а делают дело. Они не возьмутся издавать газету без гроша в кармане. И уж тем более не станут ввязываться в безнадежную избирательную кампанию, чтобы вылететь в трубу. И все ради чего? Ради Уолли? Если даже часть из того, что о нем говорят, правда...

Сидней. Стоп! Что же о нем говорят? *(Он ждет, наверняка зная, что ей нечего сказать.)*

Айрис *(в ловушке)*. Сама-то я ничего не знаю, но Люси думает...

Сидней *(поднимает руку: вопрос исчерпан)*. Ты права, Айрис,— первый раз в жизни! Ты ничего не знаешь.

Айрис. Сидней, это тебе не «Серебряный кинжал». Ты связываешься с акулами, как ты не понимаешь?

Сидней *(решительно: ему виднее)*. Давай договоримся, Айрис: за мной останется Сити-холл, с которым я буду сражаться, а за тобой Шуберт-элл^{*}.

Айрис *(устало)*. Как хочешь, Сидней.

Сидней. Нет-нет, не увиливай. Что же собирается сделать для тебя этот знаменитый деляга Бен Эш?

Айрис. Он уже подыскал мне работу.

Сидней. Ну? Что же ты не сказала? Где, в каком спектакле?

Айрис *(заранее занимая оборонительную позицию)*. Это не совсем спектакль... Но уметь играть все равно нужно... Немного.

Сидней пристально смотрит на нес.

Реклама на телевидении.

Сидней. Айрис, как ты можешь?

Айрис *(с жаром)*. Ну, конечно, мы какие-то особенные, Сидней Брустайн. Мы лучше всех. Но я тебе вот что скажу: если ему удастся устроить эту работу, я пойду. Хоть не буду киснуть в кафе в ожидании «чистого искусства».

Сидней. Дело не в том, куда ты устраиваешься на работу, а в том, как ты устраиваешься. И что тебя тянет к Люси и ее знакомым?

---

* Улица в Нью-Йорке, на которой находится несколько театров.

Неужели за пять лет, что мы вместе, ты не научилась выбирать друзей? *(Привлекает ее к себе.)*

Айрис *(чуть не плача)*. Я очень многому научилась за эти пять лет! Когда мы познакомились, я путала Гегеля с Гоголем, я думала, что Пуччини — это что-то вроде спагетти, я думала, что хороший актер непременно должен рычать и кататься по полу. Ты научил меня глубже смотреть на вещи. На все — и на японскую живопись, и на актерскую игру. И на мою собственную тоже. Благодаря тебе я стала понимать то, до чего никогда бы не дошла своим умом. Я поняла, что я, наверно, самая паршивая актриса на свете...

Сидней выпускает ее из объятий.

Вот что получается, если ни на что не закрывать глаза, — начинаешь видеть правду. А правда — паскудная штука. *(Идет к двери.)*

Сидней *(бросается за ней)*. Айрис, погоди...

Айрис *(круто поворачиваясь к нему, твердо: она все равно уйдет)*.

Я знаю одно: я хочу жить иначе. Не важно, как. Просто иначе.

Сидней. Я хочу сказать тебе... что бы ни случилось... Наверно, только с тобой я понял, что такое счастье.

Айрис *(с болью за себя и за мужа)*. Ох, Сид, «счастье»... *(Дотрагивается до его лица)*. Кто только выдумал это слово? Какой шутник? Зачем учат детей, что на свете существует счастье? *(Уходит.)*

Сидней бредет назад в комнату, подходит к своему столу, потом поворачивается, берет банджо и, наконец, решительно идет к двери и распакивает ее настежь.

Сидней. Эй, Дэвид! Спустишь-ка на минуточку...

Дэвид как раз спускался на улицу и сейчас оказался на его площадке — какой-то застенчивый, юный и более естественный, чем в предыдущих сценах.

Дэвид *(улыбаясь)*. Поймал ты меня. А я решил все-таки пройтись. Может быть, при нынешних обстоятельствах я просто обязан хоть на один вечер отвлечься. *(Спускается на несколько ступенек, останавливается, возвращается.)*

Сидней почти не слышит его: он поглощен своими собственными мыслями.

По правде сказать... Сегодня мне у себя показалось так пусто, как никогда. Знаешь, я поклялся *(смущен обыкновенностью своих ощущений)*, я поклялся, что шагу не ступлю из дому... Но, честное слово, у меня такое чувство, будто я должен немного побыть на людях. Понимаешь, я хочу сказать *(смеется, широко разводя руки)*, я хочу сказать, что мне сейчас чертовски хорошо!

Сидней *(тащит его к себе)*. Еще бы! На твоём месте всякий... Зайди на минутку...

Дэвид *(не понимая, что его не слушают)*. Не смейся надо мной, Сидней. Вчера — это вчера, а сегодня — это сегодня. Вчера я бы ни за что на свете не поверил... А сегодня я — другой человек. Я это нутром чувствую, кожей, в воздухе моей комнаты чувствую, в складках пиджака... Ей-богу, Сид... *(С детским изумлением.)* Я знаменит! *(Улыбается.)* Пойду посмотрю, что это значит — пройтись по улице знаменитостью. *(Трезвея.)* Будто я и так не знаю! Все будут чувствовать еще большую неловкость и вести себя будут еще фальшивее. И только потому, что в газетах напечатана моя фотография. Какой-то сумасшедший дом! Телефон весь день трезвонит. Сколько лет я издевался над людьми, которые давали свои номера в теле-

фонную книгу? А теперь сам первым делом в понедельник дам заявку. *(Улыбаясь на прощание)*. Пока, Сид.

Сидней *(тащит его к себе)*. Зайди на минутку. Мне нужно поговорить с тобой. Хочешь выпить?

Дэвид. Ну, что тебе, Сидней? Я спешу.

Сидней *(не глядя на него)*. Дэвид... Новая — не хуже, чем эта?

Дэвид. Новая что?

Сидней *(отчаянно)*. Твоя новая пьеса — она не хуже, чем эта, которая пошла? Продюсеры уже, наверно, ждут ее?

Дэвид *(он действительно скромн, и ему не хочется говорить на эту тему)*. Я не знаю... Мой агент сказал, что кое-кто уже звонил... *(Вздыхает: трудно с продюсерами.)* Сначала к ним не достучишься...

Сидней. С твоим-то талантом, Дэвид!

Дэвид. Я пойду. *(Поворачивается к двери.)*

Сидней. Подожди... Ты помнишь, года два назад мы вместе смотрели пьесу, где была занята Айрис?

Дэвид. Да, и что?

Сидней. Помнишь, ты сказал, что она играла вполне сносно. Даже лучше, чем мне показалось, помнишь?

Дэвид. Я тогда старался быть вежливым. Мне еще было не безразлично, что обо мне думают.

Сидней. Но ты же сказал, что она держится вполне сносно.

Дэвид. Когда танцевала. А когда говорила, когда произносила свои реплики — это было ужасно.

Сидней. Ну, положим, не ужасно. Средне — согласен.

Дэвид. Что тебе нужно, Сидней?

Сидней. Дэвид, она потеряла почву под ногами. Ей нужно как-то изменить жизнь, иначе она бог знает что натворит.

Дэвид *(безжалостно)*. Так чего же ты хочешь?

Сидней *(садится; не глядя на Дэвида)*. Напиши для нее роль в своей пьесе. Хоть какую-нибудь. Простенькую, чтобы она справилась. С танцами.

Дэвид *(помедлив, горестно поджимает губы и поднимает воротник пиджака)*. Я пойду, Сид.

Сидней. Речь идет не о большой роли. Что тебе стоит! Ей это нужно, как ты не понимаешь?!

Дэвид. Сидней, решай свои семейные проблемы как знаешь, я не сужу тебя. Но, пожалуйста, не впутывай меня.

Сидней. Я напишу рецензию... *(Догнав Дэвида у двери, он останавливается, сам пораженный своим предложением.)*

Дэвид *(медленно поворачиваясь к нему)*. Что ты сказал?

Сидней молчит, понимая, насколько чудовищен его промах.

Ну, вот что: я ничего не слышал. Я уйду. Я не желаю присутствовать при окончании этой сцены — проснувшаяся совесть и все такое прочее. Обывательская драма, не выношу их. Разыгрывай ее сам, без меня.

Хочет уйти. Сидней хватается за руку.

Сидней. А что тут ужасного? Тебя хватается только на два действующих лица? Третий персонаж испортит твою пьесу?

Дэвид. Если ты не понимаешь, Сидней, позволь мне сказать вот что. К проституткам у меня интерес сугубо теоретический. И становится проституткой самому у меня нет ни малейшего желания. *(Подходит вплотную к Сидней, они стоят лицом к лицу.)* И еще кое-что я тебе скажу. Посмотри в глаза этому цинику, Сидней, ну

давай же смотри! Может, ты разглядишь наконец в этих омурах беспредельного цинизма самое дорогое для меня — честность и прямоту.

Сидней (*глубоко униженный*). Пожалуйста, не разыгрывай святого. Я попросил, ты отказал. И говорить не о чем. Маленькая... крошечная просьба отчаявшегося человека.

Дэвид. Маленькая, крошечная взятка. В целом мире не найдется и трех человек, которые заинтересовались бы, достаточно ли растяжимо единство небольшой незначительной пьески некоего Дэвида Реджина, чтобы вобрать в себя роль для некой актрисы, жены его друга, взамен на горячие похвалы в его газете. Трех человек, понимаешь? В этом весь фокус! В магическом действии крошечных взяток — тайна коррупции. Поэтому они и заманчивы, что кажутся крохотными.

Сидней (*в полнейшем смущении*). Ну, ладно, ладно. Я попросил, ты отказал — и дело с концом.

Дэвид (*вся его горячность исчезла, голос стал холодным и резким*). И тем не менее — спасибо, я убедился, что мне нельзя было сразу выходить в этот страшный мир. Я слишком размяк, стал уязвимым. Меня бы растерзали в клочья. Но ты спас меня. Теперь я готов ко всему.

Появляется ликующий Уолли: кривляясь, как куплетист, и вертя шляпой над головой, он входит в дверь.

Уолли (*напевает, паясничая*).

Малая малиновка
Скачет и щебечет...

Дэвид (*сухо*). Входи, наше светлое будущее.

Уолли (*переставая паясничать, Дэвиду*). Не исключено, да-да, не исключено. (*Взбудораженный, с веселым вызовом*.) Позвольте вручить мрачному прошлому листовку. (*Сиднею*.) Если б ты видел, сколько народу собралось на Гудзон-стрит! Сидней, что же это такое происходит?

Дэвид (*демонстративно комкает листовку и бросает на пол*). Самая заветная моя мечта — увидеть, как в один прекрасный день кое-кому осточертеют ваши детские забавы и вас завяжут в мешки и сбросят в реку, как делали в прежние времена.

Уолли. Так, так. (*Кивает, словно ободряя Дэвида. Небрежно*.) Глас из пропасти отчаяния. Но беда в том, молодой человек, что отчаяние вы словно напрокат взяли. Вы старательно подражаете французским интеллектуалам, но ведь их-то гнетет бремя, о котором вы мало что знаете. Взять хотя бы две мировые войны и потерю колоний. А что гнетет вас, Дэвид? Насколько я мог уразуметь из ваших сочинений, какая-то проблема вашей матушки?

Дэвид. Сидней, твой приятель... (*задетый за живое, но не желая показывать это*) весьма проникателен. Поставь его слова рядом с только что сделанным тобой небольшим предложением — понимаешь, как отвратительны вы мне оба? (*Поворачивается и уходит*.)

Уолли. Ну что, съел?

Сидней. Брось кривляться. (*Уныло*.) И к тому же он прав.

Уолли. Спасайся, кто может: над нами нависла туча пессимизма. Не пойму отчего. Как Айрис?

Сидней. Хорошо.

Уолли. Что у вас происходит?

Сидней. Ты о чем?

Уолли. Последнее время ее, кажется, не оторвешь от подружки одного моего приятеля-покериста — вот и все.

Сидней. В семейной жизни и не то бывает. Холостяку этого не понять.

Уолли. Странная компания для Айрис. *(Увидев, что Сидней внезапно скорчился от боли.)* Что с тобой?

Сидней. Моя язва пляшет твист.

Уолли. Где лекарство? Я принесу.

Сидней. В ванной. Коричневый пузырек. *(С горечью.)* Успокоительное.

Уолли *(читая этикетку)*. Тут написано, что надо принимать каждое утро. Ты принимаешь?

Сидней. Нет.

Уолли. Почему?

Сидней. Противно.

Уолли. Не дури. Надо глотать, тогда не будешь нервничать по пустякам. В этом вся штука. *(Подает таблетки Сиднею, который откинулся в качалке)*.

Сидней *(медленно повернув голову к Уолли)*. По пустякам, говоришь? *(Протягивает руку, берет таблетку, стакан с водой и ставит перед собой.)* Да, усыпить страсти, подсластить горечь совести, утолить боль души. *(Берет в руки пилюли, как Гамлет — череп Бедного Иорика.)* Блаженный век успокоительных таблеток! Из-за тебя не пережить мне больше счастливого мгновенья гнева. *(Поднявшись, подходит к чертежному столу, берет линейку, которая станет «мечом» в его монологе.)* Когда-то в древние времена мужественнейшие из моих предков, прослышав о зле, пристегивали к поясу меч и отправлялись в пустыню. Встретив врага, они рубили его на куски — или их рубили на куски, и тогда, умирая, они очищали землю своей кровью. Но как бороться с тысячами безмянных, безликих призраков, которые и есть зло нашего времени? Как пронзить их мечом? *(Глядя на Уолли.)* Посмотри на меня, Уолли... Гнев отравленным желудочным соком разливается по кишечнику. Теперь человек не побеждает зло, а хватается за живот — вот так! И глотает пилюли. *(Внезапно встает, распрямляясь, словно Юпитер.)* О, если бы снова поднять славный меч Маккавеев! *(Выдержав величественную позу, он сникает, бросает «меч» и неверными пальцами берет таблетку и стакан.)*

Быстрое затемнение

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Начало осени. Вечер после выборов.

В темноте слышно, как где-то не очень далеко торжествуют победители — шум, ликующие крики, невнятное электронное бормотание репродуктора и «Предвыборная песня Уолли О'Хара» — на этот раз поют ее не несколько человек, а целая голпа. Время от времени прорезаются отчетливые выкрики: «Уолли!», «О'Хара!».

На улице появляется веселый, возбужденный Сидней, шарит по карманам, ищет ключ от двери. В квартире звонит телефон. Сидней вбегает, оставляя дверь нараспашку, и спешит к телефону, схватив по пути бутылку и стакан. Шум становится глуше, но остается как фон.

Сидней *(блаженно-веселый; он не пьян, он опьянен победой)*. А-а... привет, мистер Дэфо! *(Возня с бутылкой и телефоном.)* Нет, я тут. Стою, как штык!.. Да, да... Ну ладно, мистер Дэфо, вы сами пони-

маете, мы сегодня не в настроении поминать старое... Конечно, я собой доволен, мистер Дэфо! А вы бы на моем месте... Нет, вы понимаете, что произошло? Самое безумное, невообразимое, нелогичное... Ну, а вот видите — произошло!.. Значит, мы, мертвые, пробудились, мистер Дэфо! Хорошо, пожалуйста,— поговорим, когда я протрезвею. *(Кладет трубку и отпивает из стакана.)*

Во время телефонного разговора вошел Элтон; он стоял молча спиной к двери, ожидая, пока Сидней закончит. Сидней замечает его, но не видит выражения его лица.

Элтон, дружище, знаешь, в чем главная беда у нас, верящих? В том, что *мы не верим!* Я не верил, что сегодняшнее может случиться даже через миллион лет. Что мы победим. Что и маленькие старушонки, и непробойная шоферня с грузовиков, и тощие стилиаги из рекламных агентств с Мэдисон-авеню вдруг возьмут да выйдут на улицу и одним жестоким ударом сметут прочь Большого Босса! Можешь ты поверить? *(Садится и, упиваясь этим чудом, качает головой вперед-назад, потом снова пьет.)* Знаешь что? Мы ничего не знаем о человеческой расе, вот что! Ни черта, оказывается, мы не знаем. *(Внезапно вспоминает о прекрасной мишени для насмешек.)* Где этот Дэвид? *(Встает и выходит наружу. Ликующий шум становится слышнее.)* Куда девался этот выродец с печальным взором? Впервые за двадцать лет в политической истории свершился переворот, а он где-то прячется. *(Кричит.)* Эй, Стриндберг! Где ты? Почему прячешься от современности, а?

Элтон *(хмуро)*. Оставь его в покое.

Сидней. Почему? Я хочу, чтобы этот эльф-недоучка ложкой выхлебал свои трагические бездны девятнадцатого века! Ты знаешь, что мы сегодня доказали, Элтон? Ты *понимаешь*, что мы доказали? Мы доказали, что люди хотят, что людям необходимо иметь свободу выбора. Покажите, что для них есть два пути, и дайте им право выбора, тогда унылый нигилизм развеется, как дым. Пуф-ф!

Элтон — вне этого всего; он стоит, задумавшись о чем-то своем; он не слушает и не слышит.

Элт, знаешь, сколько времени нашему миру? Совсем немного, солнечной системе только пять миллиардов лет. По сравнению с вечностью — наверно; один день и одна ночь! Ты понимаешь?.. А смотри-ка, всего двадцать пять миллионов лет назад по земле разгуливали на полусогнутых коленках первобытные обезьяны, ты понял меня, Элт? А это же были обезьяны — не люди, а обезьяны. *(Виски еще больше разжигает его пыл.)* Черт, как здорово! Ясность мысли такая, будто мозги мои умашены душистыми персидскими маслами! Обезьяны! А между ними и нами промелькнули всякие другие паренки: яванский человек, пекинский, неандерталец и много-много спустя, наконец-то кроманьонец. Каких-нибудь тридцать жалкеньких тысконок лет назад. Элтон, он ребенок! Дитя!

Элтон *(устало подымает затуманенные глаза)*. Кто, Сидней?

Сидней. Человек! *Человеческий род!* Вчера он научился добывать огонь и изобрел колесо, а сегодня мы возмущаемся, почему он не изобрел заодно всеобщую гармонию, мудрость и правду! *(Иссякнув, обмякает.)* Несколько жалких тысяч лет назад ему пришлось придумать календарь и научиться выращивать злаки; за несколько ничтожных лет придумать — *все*. А мы его ругаем на чем свет стоит. *(Возводит глаза кверху с притворно жалобным видом.)* А ему просто нужно еще немножко времени... и все будет в порядке. Как ты думаешь, Элт? Время и свобода выбора, как сегодня, а? Может... может, тогда бы мы справились со всем. Как ты думаешь? *(Нако-*

нец замечает, какое лицо у Элтона, который стоит, уставясь на него.) Ты что? Может, ты голосовал за другого кандидата? (Встает, смеется и, поднимая стакан, напевает арию Хиггинса из «Моей прекрасной леди».) «Так, значит, мы добились, добились, добились!» (Затем.) Какого черта, что с тобой?

Элтон (не отрывая глаз от Сиднея). Это правда, Сид?

Сидней (сразу поняв). Что — правда?..

Элтон. Не виляй, мы же с тобой давние друзья. Это правда? Правда, что она потаскуха? И ты хотел, чтобы я на ней женился?

Сидней не отвечает, он садится и выпускает тяжелый вздох.

Почему ты мне не сказал?

Сидней (глядя в пол). Не мне это говорить. Сама Глория должна была сказать. Люди меняются. Она переменится. Ей только нужен человек. Не расстраивай меня сегодня, Элтон. Не веди себя как школьник, увидевший свою девчонку под ручку с другим.

Элтон. А как бы ты себя вел?

Они смотрят друг другу в глаза.

Когда работаешь в шахте, Сид, уголь въедается в кожу; от рыбака всегда несет рыбой... Она уже не способна любить, это все комедия. Иначе быть не может.

Сидней (уклоняясь от прямого ответа). Ты мог бы понять, Элт, что мое молчание было для тебя очень лестным. Лестным, потому что я считал тебя человеком, способным принять Глорию в свою душу и помочь ей, как ты когда-то хотел помочь всему человечеству.

Элтон усмехается.

Элтон. Ты сейчас говори со мной как мужчина с женщиной, Сид. Ты бы на ней женился?

Сидней. Элтон, да побойся бога! Ты же был революционером. Это что, уже для тебя ничего не значит? Одно дело носить хлеб трущобникам Бауэри, а другое — есть его вместе с ними, да?

Элтон. Ты бы на ней женился?

Сидней. Если бы я ее любил... Не знаю, что тебе сказать, кроме того, что если бы я ее любил...

Элтон (пронзительный крик). Ты знаешь, что приходится выделять таким девушкам?

Сидней. Да ладно, знаю. У тебя сейчас воспалено воображение, каждый безликий мужчина во вселенной становится...

Элтон. Тем, кто спит с моей любимой... пользуется ею, как... предметом обихода... как вещью, инструментом...

Сидней (сострадав всем на свете). Пытаясь утолить какие-то свои несчастные потребности, Элтон...

Элтон. ...как товаром! (Взглядывает на Сиднея.) Непонятно тебе, Сидней? (Трет рукою лоб.) Моя родословная — дешевый товар и его потребители... Разве ты не знаешь? Я бегу от Глории, чтобы не сделаться товаром. Почему у меня такая светлая кожа, Сидней? Ты никогда об этом не думал? Потому что мою бабушку сделали дешевым товаром. Купля и продажа в этой стране начинается с меня.

Сидней. Ну, ладно...

Элтон. Нет, ты не понимаешь... Мой отец, ты знаешь, был проводником спальных вагонов... Он тридцать лет подтирал плевки и сперму, разносил напитки и знал все секреты белого человека... Среди ночи он вскакивал от звонка, натягивал белую куртку и улыбку и тащился по коридорам с подносом и веничком... с бумажными мешками... и улыбкой... тащился туда, где звонил белый человек... тридцать лет. А моя мать... она была поденщицей. Она всегда приносила ку-

сочки того-сего из кухни «Мисс Леди»... что-то ей дали, а что-то она стянула... Мама несла свою добычу домой и выкладывала на кухонном столе... а все мы стояли и любовались... А отец... он, бывало, глянет и уйдет. И вот однажды вечером на него вдруг что-то нашло: он взял да и смахнул все на пол — и желе, и кусочек ветчины, надбитую лампу, и свитер для меня, и две маленькие вазочки... Он сбросил все это на пол и стал кричать, а по щекам у него бежали слезы... «Не хочу держать в своем доме объедки белого человека, не хочу! Не желаю видеть его отбросы!»... А мама стояла, крепко сжав губы, и, когда он лег спать, все подобрала, что не разбилось и не испортилось, помыла, почистила и спрятала в шкаф... И мы это ели и носили... надо же было как-то прожить, и маме нашей было не до гордости... Я тоже не хочу объедков белого человека, Сидней. Я не могу жениться на ней. *(Встает и вынимает листок бумаги.)* Я написал ей записку.

Сидней. Ты даже не хочешь повидаться с ней?

Элтон опускает голову.

А если бы она была черной?

Нет ответа.

Это расизм, Элтон.

Элтон. Это я понимаю *(показывает на голову)*... умом.

Сидней *(грустно глядя на него)*. Но — «Звезда взошла над Африкой...»

Элтон *(тоже глядит на него)*. Да.

Сидней. Над Гарлемом... над Саут-сайдом...

Элтон. Да.

Сидней. Свирепствует новый сионизм...

Элтон дает ему записку, идет к двери.

Ты даже не хочешь ее повидать?

Элтон *(у двери, тоскливо)*. Нет. Я хочу никогда ее не видеть.

Выбегает. Сидней идет за ним.

Сидней. Боишься, что простишь ее! А прощать не хочешь?

Стоит, глядя ему вслед, под шум торжества — теперь уже не пение, а репродуктор и гул толпы. Вскоре появляется Мэвис.

Мэвис. Сидней! *(С распростертыми руками быстро подходит к нему, искренне взволнованная и ошеломленная. Она оттесняет его в комнату, дверь закрывается, и звуки стихают.)* Ну кто бы мог подумать! Фред, как только увидел газету, сразу же позвонил мне со службы и сказал: «Мэвис, а этот твой зять, кажется, политический гений!» Он был так взбудоражен! Он сказал, что кругом только и говорят что о тебе, о твоей газете и Уолли О'Хара. Он сказал, что об этом передавали в последних известиях. *(Во время этой тирады она стискивает его в объятиях и целует.)* Давай мы с тобой выпьем, Сидней. Ты не представляешь себе, как я горжусь тобой. Я-то думала, это еще одна твоя пустопорожняя затея — вроде ночного клуба и прочего... *(быстро поправляется)* знаю, это был не ночной клуб... А где все?.. Я думала, тут у вас... одним словом...

Сидней *(наливая ей)*. ...дым столбом. Но кандидатом-то был не я, Мэвис. Айрис еще не пришла. Она иногда после работы заходит купить на ужин полуфабрикатов... Я с удовольствием поболтал бы с тобой, но мне некогда.

Мэвис. Полуфабрикатов! Да разве вы не пойдете куда-нибудь кутнуть?

Честное слово, ты какой-то странный... даже не видно, что ты рад.

Сидней. О, я рад... Понимаешь, просто не укладывается в голове, что

мы победили. Мы и не мечтали об этом... (словно про себя, с недоумением) мы и не мечтали об этом.

Мэвис (вынимает из сумочки чек и засовывает в карман рубашки Сидней). Маленький подарочек твоей газете. (Видит его удивление.) Скажем, от Фреда. Нет, не будем это обсуждать. Молчи. Вот так. И все.

Сидней (глядит на чек). Дорогая, но это большие деньги!

Мэвис (нет). Я сказала — не будем говорить об этом, и кончено. Когда я... то есть когда Фред решил сделать тебе подарок, мы условились ни в коем случае не чувствовать себя благодетелями, не размазывать, не задаваться. Так что убери это.

Сидней (смотрит на нее, тронутый). Ну, тогда спасибо тебе... (нарочито, как бы спохватываясь) ой, прости — Фреду!

Мэвис (ласково). Заткнись. (Смотрит на него; она оживилась и чувствует себя свободнее после выпитого.) Я рада, что мы можем наконец поговорить, Сидней. Наедине. Мы ведь с тобой никогда по-настоящему не разговаривали; я знаю, что ты меня очень не любишь.

Сидней (каждый растерялся бы от такого заявления). Мэвис...

Мэвис. Да нет, это ничего. Я же знаю. И ты знаешь. А в сущности, за что меня любить? Смешно, до чего родные сестры бывают разными, правда?

Сидней. Да. Все мы разные. Во всем.

Мэвис. О да, я-то знаю. Недавно я пыталась втолковать это Фреду. (Смеется.) То есть не то чтобы «втолковать»... Это даже смешно — Фред ведь умный, мы все это знаем, — но иногда... Иногда я начинаю думать — ну, по-особому. Как ты... (Описывает рукой круг — вероятно, имея в виду вселенную.) Ну, как это...

Сидней. Абстрактно.

Мэвис. Вот именно. Ты не поверишь... но... мне так нравится, когда человек может сказать что-то содержательное, в чем было бы... ну, это...

Сидней (смотрит на нее во все глаза). Концепция.

Мэвис. Да. Я это люблю. Мне нравятся разговоры, которые я слышу у вас. И знаешь, Сидней, некоторые я понимаю! (В этом ее заявлении — курьезный, искренний и совершенно очаровательный вызов.)

Сидней. Молодец, Мэвис. Молодец.

Мэвис (неожиданно). Но мы еще рабы.

Сидней. Что?..

Мэвис. Многие из нас рабы...(напыщенно) первобытных инстинктов. И многим так и не удастся... ну, понимаешь..

Сидней (устало кивает, ему не хочется опять выслушивать семейную сагу). Знаю.

Мэвис. Как папа, например, — он был такой мечтатель. Знаешь, вроде поэта-отшельника, нечто среднее между Вилли Ломеном и Дэниелом Буном. Он любил сидеть и размышлять.

Сидней (ошеломленно глядит на нее). Разве у вас с Айрис были разные отцы?

Мэвис. Конечно нет — что это тебе в голову пришло?

Сидней. Фильм «Расёмон», что же еще?

Мэвис. Папа был замечательный человек, просто замечательный. И вот что смешно — понимаешь, когда я выходила за Фреда, я думала, он такой, как папа. Представляешь — Фред!

Сидней. Значит, тебе хотелось, чтобы он был похож на твоего отца?

Мэвис. Да... и я тогда думала, что он очень похож. Фред в молодости казался таким поэтичным. Знаешь, когда он за мной ухаживал, он, бывало, мог проехать целых сорок миль от Эленсвилла, чтобы только меня увидеть. Сорок миль туда и сорок обратно на дрянной допо-

топной машине. Вот он какой был. Вроде папы. (*Чуть высокомерно.*) Папа нам читал вслух классиков — знаешь, греческие трагедии. Иногда по-гречески.

Сидней (*вытирает глаза*). Ты шутишь!

Мэвис (*удивленно*). Почему это? Правда, настоящего древнегреческого он не знал. Только простой, разговорный, у своих родителей научился, но это было еще интереснее... Мы устраивали целые представления в гостиной. Он всегда давал мне играть Медею: он говорил, что я сильная... (*Встает и громко, с завыванием декламирует на энергичном, драматическом и звучном греческом языке, сопровождая декламацию неплохо задуманными, хоть и излишне театральными классическими позами и жестами; затем повторяет то же в переводе, почти отбарабанивая строки.*) «О да, темно вокруг, и за бедой беда! Но это не конец! Не думайте: еще и новобрачной будет худо, и муж ее познает скорбы!» Папе нравилось, как я читаю.

Сидней. Мэвис, я тебя не узнаю.

Мэвис. Ну, плохо, конечно, я знаю. (*Смеется.*) Я помню наизусть все роли — и все строфы. Папа был замечательный человек. С таким богатым воображением! Потому-то он и переделал нашу фамилию. Она была простая, самая что ни на есть обыденная — ну, ты знаешь: Парадопулос.

Сидней. Нет, я не знал.

Мэвис. Но папе хотелось, чтобы в нашей фамилии было что-то символическое, понимаешь? И он переделал ее в Пародус. Ты же знаешь, что такое «пародус» в греческой трагедии.

Сидней. Гм... нет.

Мэвис (*гордо*). Сидней! Как не стыдно! Пародус — это хор! И знаешь — что бы ни происходило в пьесе, хор всегда присутствует, комментирует, наблюдает. Он говорил, что и наша семья такая — мы сбоку жизни, мы ничего не можем изменить. Только присутствуем и наблюдаем.

Сидней (*пораженный*). Понимаю.

Мэвис. Вот такой был папа. (*Пьет из стакана.*) Я очень его любила. (*Пауза.*) А Фред — это не папа!

Сидней. Твой брак для тебя — сильное разочарование?

Мэвис (*скучным тоном*). Да ничуть. Когда мы поженились, я уже понимала, что Фред не такой, каким кажется. Я знала, за кого выхожу замуж, и не ошиблась. Надежный, как скала! Ха! (*Резко.*) С тех пор как родился Гарри, мы спали вместе раза два, не больше, а тому уже... о, уже шесть лет, да? Гарри через месяц исполнится шесть.

Сидней. А... кто же из вас...

Мэвис. Кто из нас не захотел? Черт его знает. Просто так вышло. (*Махнув рукой.*) Он не страдает. У него есть женщина.

Сидней (*каким-то гортанным голосом*). У Фреда?

Мэвис (*поглядев на него*). У Фреда. (*Покачивает головой.*) Мне порой кажется, что все вы тут живете какими-то выдуманными представлениями об остальных людях. Закоснелых простачков не бывает, Сидней. Можешь мне поверить, теперь каждый в душе хиппи... Да, вот уже сколько лет. К чести Фреда, надо сказать — одна и та же. Я с ней познакомилась.

Сидней (*он искренне хотел бы казаться равнодушнее, но не может — он слишком изумлен*). Ты...

Мэвис (*со сдержанной горечью*). Ну да. Я пошла к ней. Он хорошо ее устроил. Ничего особенного, конечно; Фред хороший семьянин, он вкладывает главные деньги в главное дело, наш Фред. Но вполне пристойно: солидный дом, семейные жильцы — неплохая квартирка для одинокой девушки... (*безмерная горечь*) с ребенком!

Сидней даже вздрагивает от неожиданности, но не находит, что сказать.

Он всего на год моложе Гарри. Я и его видела. *(Теперь она плачет; Сидней беспомощен перед этими слезами.)* Ведь жена рано или поздно все узнает. А я пошла по обычному пути: наняла одного противного человечешку, чтобы он проверил. Он и проверил. И вот однажды я не утерпела, как не утерпит ни одна женщина, — и пошла посмотреть. Не затем, чтобы его накрыть, я вовсе не желала заставить их вместе и прочее такое. Я и так знаю, чем занимаются мужчины с женщиной. Я просто хотела посмотреть на нее. Я взяла такси, приехала, позвонила и увидела ее. Ну, совсем не то, что я ожидала! Не хористка, не шикарная штучка, какие всегда мерещатся женам, даже если муж такой, как Фред, я-то про себя решила, что сейчас увижу какую-нибудь фифу, — ничего подобного: стоит рыжеватенькая девчонка в домашних шлепанцах и фартуке, беременная, вот с таким животом. Ну, я вошла, мы поговорили. И через несколько месяцев я еще раз пришла — посмотреть на ее сына. Не могла я не посмотреть на него. Фреду я ни слова не говорила, пока не увидела мальчонку. А потом началась обычная крутня... разговоры о разводе и прочее, ну, сам понимаешь.

Сидней. И ты на развод не согласилась.

Мэвис. Конечно нет. Развод? С какой стати? Из-за неверности мужа? Ха! У нас трое сыновей, и отец их обожает; он, я думаю, обожает всех своих четверых. И что бы я делала? Там, дома, женихи из-за меня не дрались — был один только Фред. На свете есть два рода одиночества, и каждому из нас дано выбирать. Я выбрала такое. И скажем прямо — я не умею печатать на машинке.

Сидней *(тихо, качая головой)*. А от литературы ты требуешь простых людей и простых проблем...

Мэвис. Конечно — хватит с нас того, что в жизни!

Сидней. Айрис про это знает?

Мэвис. А зачем я бы стала ей рассказывать? Слушай, каждый из нас играет свою роль. *(Долгая пауза.)* Ну, во всяком случае, ясно одно: мне больше не наливай ни капли. *(Достает пудреницу, осматривает себя в зеркальце.)* Так как же мой смугленький будущий зять?

Сидней. Он не будет твоим зятем.

Мэвис. И слава богу. Она ему отказала, да?

Сидней *(вскидывает глаза; этот вариант приемлем)*. Да... что-то в этом роде.

Мэвис *(снова блаженное неведение)*. Этого надо было ожидать. Слушай, люди у нас еще не готовы к таким вещам. Ну просто не готовы. Он, кажется, славный мальчик, но это ведь невозможно. В нашей жизни, понимаешь? Надо же думать о детях. Я знала, что Глория выставит его вон. Зачем ей это нужно? Он, конечно, с виду совсем как белый, но все-таки... *(Запнувшись.)* Ты не сердисься, нет?

Сидней. Нет.

Мэвис. Ну ничего с собой не могу поделаться, Сид. Это сидит во мне. Нельзя же требовать от человека, чтобы он переменялся в один миг. *(Встает, собирается уходить.)*

Сидней *(мягко, скорее недоуменно, чем утвердительно)*. Мэвис, мир вот-вот расколется надвое. Мы должны перемениться, иначе рухнем в трещину.

Мэвис *(беззлобно)*. Ну вот, мы опять стали самими собою, и ты, наверно, снова примешься меня оскорблять. А я знала, что рано или поздно расскажу тебе все, Сид. Я всегда это знала. Когда я в первый раз тебя увидела, я поняла, что эти глаза вместят чью угодно исповедь. Не рассказывай Айрис... знаю, что тебя не нужно об этом

просить, но все равно. Не надо, а? Она еще девчонка, Сидней. Она еще сама не понимает, что ей нужно. Ничего, очень скоро поймет, и все образуется. *(Потренив его по щеке.)* И у тебя тоже. *(Пристально глядит на него.)* Ей-богу, мы очень гордимся тобой, Сид. Я сказала Фреду: «Что ни говори, а у евреев есть хватка!»

Сидней *(в тон ей)*. Что ни говори.

Мэвис. Ну, тут же ничего дурного нет. Правда?

Сидней *(улыбаясь)*. Будем считать, что нет. На сегодня.

Пауза. Она открывает дверь, и мы снова слышим оживленный шум толпы.

Мэвис, а как ты... я хочу сказать...

Мэвис. Как я обхожусь без Фреда? *(Идет вниз по ступенькам, он следует за ней.)* Забочусь о мальчиках. Хожу по магазинам и волнуюсь за своих сестер. Тоже жизнь.

Сидней *(после паузы, поднимая сжатые кулаки к богам на небе; это только для их ушей)*. «Глядите же, вечно горящие светила!» *(К Мэвис.)* Ты — твердый орешек, Мэвис Пародус.

Целует ее, и, поскольку у Мэвис достаточно такта, она ничего не говорит и молча уходит. Сидней идет обратно, наливает себе выпить и смотрит из окна на торжество. Через некоторое время входит Айрис. Она выглядит совершенно по-иному: она оделась в тех кварталах города, где больше всего проявляется стремление портных каждый год радикально менять моду. Волосы ее острижены и выкрашены в совершенно неестественный металлически-желтый цвет, жесткий начес придает им вид скульптуры. В руках у нее две хозяйственные сумки. Сидней, стоя у окна, видит ее не сразу.

Айрис. Ну, поздравляю, Сид.

Сидней. Только что ушла твоя сестра.

Айрис. Да? Которая?

Сидней. Что значит — «которая»?

Айрис. Глория должна прийти. Я не успела тебе сказать, она приехала и сегодня будет у нас. *(Айрис идет в спальню.)*

Сидней. О боже, только этого не хватало!

Айрис. С каких пор ты не рад видеть Глорию?

Сидней. Я всегда рад видеть Глорию... А, да ладно.

Айрис *(выходит из спальни с чемоданчиком)*. Зачем приходила Мэвис?

Сидней. Ни за чем. Просто поговорить. Мы поговорили. *(Оборачивается и, видя перемену в ней, столбенеет — и это не игра.)*

Айрис. Знаю. На себя не похожа. Не буду спрашивать, нравится тебе или нет.

Он молчит и смотрит на нее так, будто видит ее впервые. Она — нарочито развязно:

Меня приняли на работу. И — раз! *(Щелкает пальцами.)* Тут же послали привести себя в порядок. *(Надевает новые туфли.)* Все сразу, кроме туфель. Говорят, неудобно выходить из магазина в только что купленных туфлях. По крайней мере, так говорят люди бедные. По-моему, все удобно, если ты богатая... или если туфли дорогие. Пожалуйста, не смотри на меня так, Сид. И не будем это обсуждать.

Сидней *(задумчиво)*. Почему ты выдумывала про отца, Айрис?

Айрис *(поднимает глаза)*. У вас с Мэвис был разговорчик по душам? Боже, что делается!

Сидней. Почему ты выставляешь его каким-то придурковатым ничтожеством? Зачем?

Айрис *(быстро, раздраженно, фальшиво)*. Да что ты слушаешь Мэвис! У нее абберрация памяти, когда дело касается папы. Это очень сложно. Когда она говорит о папе, на самом деле она говорит об этом нашем дяде, который...

Сидней (зная, что сейчас последует длинная и путаная ложь). Не надо, Айрис. Это не важно.

Айрис (искренне). Должно быть... я старалась подделаться под то, что ты обо мне нафантазировал. Во всем. Понимаешь, если подсознательные импульсы...

Сидней. Давай не будем об этом...

Айрис. Ты эти выборы на своих плечах вынес. Ты должен быть доволен.

Сидней (рассеянно). Да, я доволен. (Пауза.) Мэвис думала, что мы с тобой пойдем куда-нибудь кутить. Ты, значит, ничего ей не сказала?

Айрис. Нет... очень нужно слушать ее причитания!

Сидней (глядя на нее, медленно и с ударением). Мне кажется, она легко переживет.

Айрис. У Мэвис представления о браке такие, как в двадцать лет... и ее с этого не собьешь... несмотря ни на что. Другие варианты шокируют.

Сидней. Да, конечно. Глухая провинция. (Небольшая пауза; он разглядывает ее и то, что она с собой принесла.) Что же ты там делаешь? На этом самом... (жест — «телевидению»). Я даже не знаю, чем ты, собственно, там... (он останавливается чуть дольше, чем того требует обыкновенный вопрос. От нее это не ускользнуло; она приподнимает брови, но молчит) торгуешь.

Айрис. Домашним перманентом.

Сидней (круговое движение рукой — случайный, но не совсем невинный жест). Тем самым, что... м-м... у тебя на голове?

Айрис (решив не поддаваться на провокацию). Не смей меня. Эта голова два с половиной часа переходила из рук в руки в парикмахерской Лайонеля.

Сидней. Но не станешь же ты объяснять об этом по телевидению? То есть ты же не скажешь, что твои... (читает надпись на коробке) «лучезарные локоны» — результат долгого сидения в парикмахерской Лайонеля?

Айрис. Нет, Сид, конечно, не скажу. Я скажу всем домашним хозяйкам (встает и берет коробку «Лучезарного локона»)... что я смочила волосы волшебным составом «Лучезарный локон» (становится лицом к зрителям, принимает позу и тон телевизионной манекенщицы, показывает коробку)... и накрутила на бигуди... «Лучезарный локон» не дает развиваться волосам, сохраняет прическу, которая от мытья до мытья остается точно такой же... и это, как вы сами убедитесь, одно из главных качеств домашнего перманента «Лучезарный локон».

Сидней. Состав и бигуди в одной коробке.

Айрис (с искренним отвращением ко всей этой чепухе, вызывающе отчеканивает). Да! Состав и бигуди в одной коробке! (Открывает ее — дно выпадает, сыплются бигуди. Швыряет все на пол.) И ни черта это не действует. (Круто обернувшись, кричит, чуть не плача.) Это же работа, Сидней! За то, чтобы разносить бутерброды в закуской, не платят сто долларов в час! Они платят за то, чтобы создалось впечатление, будто есть какая-то разница между «Лучезарным локоном» и «Чудо-локоном» или между «Чудо-локоном» и домашним перманентом «Жемчужина», и какого черта ты от меня хочешь?

Сидней. Это ведь не действует...

Айрис (точь-в-точь как оправдывающийся ребенок). Нет действует! Достаточно действует, чтобы оправдать рекламу. Просто для верности они посылают к парикмахеру. Когда снимают для телевидения, надо, чтоб уже ничто не подкачало, Сидней. Ты даже не представляешь, как дорого стоит любая передача. Осветители, телеоператоры,

- техника... Когда начинается съемка, тут уж нельзя рисковать, что у тебя волосы повиснут сосульками от какого-нибудь (снова отпихивает кулаком «Лучезарный локон»)... паршивого домашнего перманента.
- Сидней (встает, подходит к ней и обнимает). В чем дело, девочка, ну что с тобой случилось? Зачем все это?.. Чего ты ищешь? Ради чего ты ломаешь себе душу? И куда это тебя приведет?
- Айрис (плача в его объятиях, бессвязной скороговоркой — о самом несущественном в своей проблеме). Разве могут... волосы держаться, когда там... такая жара... Но оно немножко действует, Сид, я пробовала... Что ж ты думаешь, Федеральная торговая компания позволила бы... трепаться по телевидению... просто так?..
- Сидней. Девочка моя...
- Айрис (отчаянно кричит, почувствовав, что ей грозят прежние утешения). Не хочу больше играть в девушку с Аппалачских гор!
- Сидней. Ладно, солнышко, только надо ли ввязываться в новую игру... Айрис...
- Айрис (отчаянно трясая головой). Ты не понимаешь, ты все-таки ничего не понимаешь. Я уже не прежняя... я другая...
- Сидней (смеется, изумленно). Боже милостивый... оказывается, я живу с маленькой девочкой... Айрис, ты же действительно ребенок!
- Айрис (вскидывает голову). Сидней... Один из нас ребенок, это верно, но не я... В последнее время я много понаслышалась... и поняла: ты, как и папа мой, видишь совсем не то, что есть на самом деле... Совсем не то! Не то!.. Вот я слышу, что говорят... над чем смеются, пока ты сидишь тут под этим плакатом... и я просто поражаюсь, как я могла думать, что ты хоть что-то знаешь об этом мире. Об этом мире, Сидней! Он — пакостный!
- Сидней. Ты мне не даешь сказать, детка: ты учишься цинизму в самый неподходящий момент нашей жизни. (Жест в сторону плаката в окне. Снова слышен шум толпы снаружи, приглушенные крики «ура» и «Предвыборная песня».) Сегодня мы чего-то добились, Айрис. Правда, немного... одну только крошечную часть мира мы поставили с головы на ноги... Послушай только...
- Айрис (последний взрыв). Сидней! Прекрати! Не могу больше! Ничего вы не добились, Сид, люди остались такими же! (Слова ее не доходят до Сиднея.) Ты слышишь? Я же пытаюсь тебе втолковать... Уолли принадлежит им... тем, против кого ты борешься... Принадлежит им целиком: вместе с домом, где он живет, костюмом, что он носит, и зубной пастой, которой он чистит зубы. Они владеют им целиком, полностью, без остатка... (Тащит его к окну.) Вот он, Сид, вот настоящий мир! Слышишь его? Мир, который, по-твоему, поставлен с головы на ноги! (Беспомощный, истерический жест: она словно бросает этот мир в него.)
- Сидней (в неистовстве трясет головой: «нет!», но глаза его говорят «да»). Что это еще за психоаналитическая мерзость?
- Айрис. Да, мерзость. Ты даже не знаешь, ты даже не можешь себе представить, какая мерзость! Но не психоаналитическая. Даже не скрытая... Многие просто не верят, что ты этого не понимаешь!.. Господи, Сид! Я пыталась тебе втолковать. Слушай, попомни мои слова: через несколько месяцев он будет устраивать пресс-конференции и рассказывать, как его поначалу охмурили белые негры и богемные интеллигенты и как он вовремя спохватился и вернулся под «надежное и верное» руководство своей... «родной партии»! (Она начинает ходить по комнате, как во сне, собирая свои пакеты. Открывает дверь — и в комнату врывается ликующий рев толпы.) Я бы не ушла от тебя сейчас... если бы это хоть сколько-нибудь помог-

ло. Но это не поможет. (*Оборачивается; она плачет, не стараясь это скрыть.*) Я пришло за вещами как-нибудь на неделе... Передай Глории, я позвоню ей попозже. (*И вдруг.*) Ради бога, Сидней, сними ты плакат! Это как плевок тебе в лицо! (*Уходит.*)

Он протягивает руку к плакату, хватает его и долго держит — в нем нарастает напряженность, — потом разжимает руку. Как слепой, он бредет к чертежному столу, под руку ему попадает длинная линейка — «меч его предков», он поднимает ее перед собой, словно салютуя врагу, которого нельзя зарубить, потом пропускает сквозь пальцы, удержав за верхний конец. Плакат трепещет на окне, как бы живя своей собственной жизнью; рев толпы становится громче; Сидней с треском ломает линейку пополам.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Несколько часов спустя. В полутемной комнате угрюмая тишина и полный беспорядок. Сидней лежит, вытянувшись на полу, ноги у него под кофейным столиком. Одной рукой он схватился за желудок: у него приступ. Рядом стоит бутылка виски и стакан. Когда боль становится нестерпимой, он тупо мычит какую-то песенку.

Вскоре у дверей квартиры появляется Г л о р и я, его свояченица, с небольшим чемоданом в руках. Это хорошенькая, как мы уже знаем, женщина лет двадцати шести, с удивительно свежим цветом лица — стопроцентная американка. У нее длинные волосы с кокетливо-беспечной челкой, как у первокурсницы. Одета она скорее с небрежным изяществом, чем со строгой элегантностью. С чемоданчиком в руке она больше всего похожа на студентку, приехавшую домой на воскресенье. Она стучит несколько раз, потом открывает дверь и входит.

Г л о р и я (*озадаченная, вглядывается в полумрак*). Сидней, ты тут?
(*Зажигает свет.*)

С и д н е й (*пьяно бормочет*). Эй, не надо... Да будет тьма... Да сойдет ночь и покрывалом своим защитит нас от света... Погасите, погасите же свет!.. Вот так-то, Гете, старик! Да будет тьма, я что сказал! Ну... (*узнав ее*) Глория, привет!

Г л о р и я. Вот чудак-человек.

С и д н е й. Глория!

Она приподнимает его, тащит к дивану.

С и д н е й (*поет*).

У милой локоны вьются, вьются,

Глазками так и стреляет...

(*Корчится от боли, едва выдавливая слова.*)

Девчонка что надо, лучше не надо,

Но из тех, что гуляет!

Г л о р и я. Здорово болит, да? (*Задумывается на секунду, затем идет к холодильнику, достает пакет молока.*)

С и д н е й. Ничего у меня не болит!

(*Снова затягивает, не вставая.*)

У милой локоны вьются, вьются...

(*Садится.*)

Нет, не эту!

(*Запрокидывает голову, как пес, воющий на луну, и запекает.*)

Зачем, зачем я так тоскую,

И сердце от тоски своей

В темницу запер золотую

С замком серебряным на ней.

Г л о р и я (*подает стакан*). Перестань, Сид. Ты же не пьян. Выпей вот лучше.

Сидней (*думая, что это виски, пьет и плюется*).

Ты помнишь тот чудесный вечер,

Когда, прижав тебя к груди...

Глория. В чем дело, Сид? Что случилось?

Сидней (*открывая глаза*). Неужели и ты не заметила грехопадения человека?

Глория. Ничего не понимаю.

Сидней. Эти усилия, эти ночные бдения, эта — прости за неудачное слово — эта (*цедит сквозь зубы*) страсть... Чего ради? Ради какого-то подонка на службе у сильных мира сего! (*Беспечно.*) А, не все ли равно! Люди вполне довольны собой и другими, так что оставь их в покое. Никого не трогать — вот и вся мудрость! (*Подходит к двери, открывает ее и кричит.*) Эй, Гермес, иди сюда, я готов перебраться через Стикс. (*Поворачивается к Глории, строит гримасу.*) Я отправляюсь к дьяволу, ясно? (*Звонко хлопает себя по ляжкам, пародируя «черный» юмор.*)

Глория. Тебе нужно лежать. Где Айрис?

Сидней. Кто, Айрис? Моя жена? Черт ее знает! (*Бродит по комнате.*) Все равно она не из всемогущих богинь. Что-то вроде «Пятницы в женском облике при громовержце Зевсе», как пишут в «Тайме». Глянь-ка, кто я такой? (*Забравшись на диван, принимает позу, в какой изображают Зевса.*) Ну, говори, кто? Хочешь, подскажу: не Аполлон. И вообще даже не бог. (*Подражая Джимми Дюранту.*) Не обращайтесь пока внимания на мою величественную внешность, но загляните мне в глаза, и вы ясно увидите, что я смертен. (*Снова валится на диван.*) Вот кто я — типичный Современный Человек, я корчусь от рези в желудке, в уголке глаза застыла слезинка, в руке стакан спиртного, которым тщетно накачиваешься, чтобы заглушить боль... а в голове ни малейшего представления о том, что происходит. (*Пьет, садится на диван.*) А моя жена сбежала ловить молнии для Зевса. Потому что он неплохо платит и сводит с молодыми и растущими богами и вообще обещает кучу всяких вещей.

Дэвид (*входит, холодно*). Я, кажется, попал в самый патетический момент.

Сидней. Дэвид, дорогуша! (*Отшвыривает бутылку.*) Ты единственный из моих знакомых, кто не боится тьмы. Выпей!

Дэвид. Ты пьян и глуп. Я пойду, у меня гость. (*Хочет идти.*)

Сидней. Давай, веди ее... прости... веди его сюда, устроим театр абсурда.

Дэвид. Благодарю, вы его, кажется, уже устроили и без меня.

Сидней (*хватая его за рукав*). Всякая суета, спешка — все дребедень, правда? А мир — голая пустыня, где ни ветерка, ни дождя. Где ничего не происходит. Разве что мы случайно появляемся и в один прекрасный день исчезаем снова... Твои пьесы ведь об этом?

Дэвид. Думаю, что да.

Сидней. Хотя старик Вильям сказал об этом лучше: «Это повесть, которую пересказал дурак: в ней много слов и страсти, но нет лишь смысла». У Вильяма все лучше.

Дэвид. А я и не спорю. Что с тобой произошло?

Сидней. Ничего... Все... Я тоже не буду больше спорить с тобой, Дэвид. Ты прав, прав во всем.

Дэвид. Наконец-то начинаешь что-то понимать.

Сидней. Да, и начинаю наконец смеяться над чудовишной абсурдностью. Абсурд — единственное убежище, единственная гавань, откуда можно бесстрастно наблюдать за миром и смеяться холодным бесцветным смехом. (*Выделяет затейливое эстрадное антраша и застывает в чудовищно-нелепой позе. Поет.*)

Мы заблудились там, среди звезд!

(Обернувшись, Глории, словно только что увидел ее.) Глория!

Он протягивает к ней руки. Она подходит, и они обнимаются. Видно, что они искренне привязаны друг к другу. Он прижимает ее к себе в какой-то горестной безысходности и, должно быть, нечаянно делает ей больно.

Что с тобой?

Г л о р и я (скрывая смущение). Ушиблась немножко. Пустяки! Тебе не хорошо?

Сидней зажимает рот и не спеша шествует к ванной, но затем, отбросив достоинство, вбегает туда, захлопывает за собой дверь. Лишь после этого Глория словно бы замечает присутствие Дэвида.

Вы, наверно...

Дэвид. Дэвид Реджин. Привет!

Г л о р и я (слышала о нем). А, вы живете наверху, да? Привет! А я...

Дэвид. Глория. Вы сестра Айрис, которая... (подчеркнуто) много разъезжает. (Видя, как она реагирует на его интонацию.) Не смущайтесь. Я практически живу здесь, у Сидней и Айрис, почти член семьи — какие уж тут секреты? И вообще меня интересуют только мужчины, не волнуйтесь!

Г л о р и я. Вы, я вижу, не скупитесь на чужие секреты.

Дэвид (безмятежно). Но ведь испокон веков повелось, что только писателям и шлюхам доступна истина.

Г л о р и я (неприятно поражена, резко поворачивается, едва сдерживая ярость). Ну-ну, выбирайте выражения... И вообще вы мне не нравитесь.

Дэвид. Извините. Я не думал, что вы обидитесь.

Г л о р и я. Вы, кажется, собирались уйти?

Дэвид. Я же извинился. А я никогда не прошу прощения. У вас попросил... потому что уважаю вас.

Г л о р и я. Я еще раз спрашиваю: вы, кажется, собирались уйти?

Дэвид. Сейчас уйду. Успокойтесь. Дело в том, что сейчас я пишу о... ну, о такой, как вы. Я обнажаю лицемерие...

Г л о р и я. Послушай, мальчик. (Неожиданно низким, грудным голосом.) Я незнакома с тобой, но таких, как ты, знаю как облупленных. И я знаю, что ты скажешь, потому что об этом уже тысячу раз говорили и писали. Я такого могла бы наплести, и ты бы поверил и записал карандашиком, будто глубокую древнюю мудрость. Но сейчас я не на работе. Проваливай! (Поднимаясь с места, морщится и хватается за бок.)

Дэвид. У вас что-то болит?

Г л о р и я (превозмогая боль). Ну будьте же порядочным человеком... если сумеете... и уходите, уходите, пожалуйста.

Дэвид (пристально глядя на нее). Вы и в самом деле... недовольны своей жизнью?

Г л о р и я (запрокинула голову, закрыла глаза). Ох, господи, эти идиотские вопросы!

Дэвид. Может, вам что-нибудь нужно?

Г л о р и я. Уйдите!

Дэвид уходит. Снова появляется Сидней, тщетно пытаюсь выглядеть трезвым, голова его и рубашка облиты водой. Неся в одной руке ботинок, он подходит к Глории, стоящей у бара.

Сидней (взяв бутылку). Выпьем? Прости, я все забываю... тебе надо следить за внешностью — упругая кожа и все такое.

Г л о р и я. Ерунда... Я начинаю входить во вкус. (Похлопывая себя по щекам и подбородку.) Пусть себе дрябнет! (В упор глядя на него, тихо.) Сид, я завязала, навсегда, слышишь?

Сидней *(меняя тему)*. Ты где... ушиблась?

Глория. Я не ушиблась. Это следы одного приятного вечера, проведенного с двухметровым психом. Знаешь, у меня, кажется, особое пред... пред... забыла слово...

Сидней. Предрасположение?

Глория. Вот-вот, предрасположение к психам и полицейским. Просто поразительно! Девчонки даже дразнят меня. А этот последний... Я думала, он убьет меня... *(Оглядывается комнату.)* Когда придет Айрис? Наверно, много работы, да? В квартире разгром!

Сидней. Придет.

Глория *(улыбаясь)*. Сидней, погляди-ка! *(Радостно поднимает рюмку.)* Виски! Я снова становлюсь человеком. Все успокоительные снадобья — к чертям. *(Строит смешную гримасу и чокается с Сиднеем.)* Я на прощание девичник устроила. Адюс, мучачас! Я выхожу замуж! Только сначала скажу ему все. Иначе я не хочу. Некоторые девчонки пробовали скрыть. Где там. Все равно кого-нибудь встретишь... Чего только ни придумывали наши девчонки — ничего не выходит. Мы как-нибудь сядем рядом, и я скажу... *(Она говорит мерно и слишком уверенно — чтобы заглушить терзающий ее страх; рассказ ее отрететирован до последнего слова, потому что она знает, что ей не поверят, и в голосе звучит убежденность, которой нет в глазах.)* Я жила в этой дыре, в Тренерсвилле, и была девятнадцатилетней глупышкой, когда познакомилась с этим ничтожеством. Уставился он на мою мордашку и говорит: «Слушай, котенок, ты же просто клад!.. Женщины-вампы уже не в моде. сейчас подавай чисто американский тип, чтобы кровь с молоком... Как раз таких, как ты! Едем, большие дела будешь делать!» И верно. Только никто не сказал, что это за дела. А уже после начинаешь подводить всякие теории, чтобы перед самой собой оправдаться. Во-первых, наша профессия стара, как мир. *(Они звонко чокаются и смеются.)* Во-вторых... *(прижав руку к груди, словно держа ответ перед богом и нацией)* служишь обществу. *(Чокаются снова.)* И, в-третьих, настоящие проститутки не мы, а другие... чаще всего мужние жены и служащие девицы. *(Оба смеются от удовольствия.)* Так мы друг друга утешаем, когда на душе тошно. А тошно — ох, милый! — бывает так часто! Сами этому не верим, а все-таки как-то легче становится.

Сидней. Глория, родная... Ты молодец... и будешь держаться молодцом, чтобы ни случилось, правда?

Глория *(ее рука застыла в воздухе, потом медленно опускает рюмку)*. Так. Ну, ладно! Что он, написал мне письмо или наговорил на пластинку под грустные скрипки?

Сидней. Глория...

Глория *(огромным усилием воли сохраняет самообладание и пытается отодвинуть неизбежное)*. Однажды вызвал меня к себе один тип... У него был альбом репродукций Гойи. И там я увидела рисунок, кажется, офорт. Ты знаешь такой? Стоит — вот так! — женщина, испанская крестьянка, с протянутыми руками. Она тянется за зубами мертвеца. Повешенного. Ее всю свело от омерзения, но ей нужны зубы, потому что в те времена люди верили, будто зубы мертвеца приносят удачу, это я прочла в той книге. Представляешь? Люди идут на что угодно. Лишь бы *выжить*. Когда-нибудь я обязательно куплю этот офорт. Это про меня...

Сидней. Он любит тебя, страшно любит...

Глория *(хрипло и непреклонно: теперь она готова ко всему)*. Давай!

Сидней подает ей письмо. И вскоре тишину разрезает одинокий отчаянный визг — так кричит загнанный, насмерть раненный лесной зверек. Она комкает письмо. Сидней быстро подходит к ней и, обняв за плечи, пытается

утешить; она запрокидывает девичью головку и кричит низким, грудным, диким, как первобытный лес, голосом.

Сволочи! Какие же все вы сволочи!

Сидней *(быстро наполняет бокал, хочет влить виски ей в рот)*. Ну, не надо... лучше выпей.

Глория. Убери эту гадость! Убери! *(Она вышибает бокал у него из рук, встает. Он неуверенно пытается задержать ее, понимая бесполезность своей попытки.)* Где моя сумка? Пусти меня, Сидней. На кой она сдалась, такая жизнь? *(Сильным рывком высвобождается из его рук.)* Пусти! *(Достает из сумки пилюли, глотает их и тут же затихает, хотя они не успели подействовать: просто она знает, что проглотила успокоительное.)* Ну вот, видишь, порядок... Будущее за наркотиками, Сид. Ты читал, что пишут о мескаLINE и других средствах? Ужасно интересно... *(Ложится на диван. У нее начинается резкая реакция, желая ускорить ее, она пьет, не полагаясь только на действие таблеток.)* Нет, но я-то хороша — собралась замуж за черномазого. Знаешь, что некоторые девчонки делают? Нарочно ложатся с каким-нибудь цветным... все равно с кем, лишь бы черный был. Такой, мол, не посмеет плюнуть на тебя через пять секунд. А я собралась замуж.

Сидней *(подходит к ней)*. Может, он передумает. Он был так потрясен — ничего не соображал. Ты постарайся понять, у него все так сложно...

Глория. Ах, он был потрясен! Дрянь черномазая! Потрясен? Знаешь, спорим на что хочешь, что сейчас он накачался с какой-нибудь черной дешевкой... или белой на худой конец. Ищет утешения! Плачется в жилетку. Ему-то плакаться! А утром она расскажет другим дешевкам — то-то будет смеху!.. Сама так делаю... Но я-то, дура, вообразила! Какого черта мне нужно? Все равно, долго ли так протянешь: с девяти вечера до пяти утра? *(Неожиданно раздражается бурными рыданиями.)* Сидней, что я с собой сделала!.. *(Он хочет подойти к ней, но она жестом останавливает его.)* Зимой мне будет двадцать шесть, а за последние три года я уже три раза травилась... и все неудачно... Ничего, когда-нибудь да выйдет... А еще лучше, если вдруг ночью, во сне загнусь! *(Садится.)* А, ладно! Главное, Сидней, не вешать нос! *(Ерошит ему волосы, тычется в них носом в отчаянной попытке принять беззаботный, веселый вид.)* Не слишком ли много для одной обыкновенной американской девки — и наше запятие, и таблетки, да еще интеграция? Ну-ну! *(Машет в сторону радиолы.)* Давай музыку. Только не такую, как любил мой папаша-зануда. *(Ставит пластинку, какой-то очень «модерный» джаз: низкий тон, напряженный быстрый ритм.)* Ага... это то, что надо. Без музыки я бы не выжила. Музыка отодвигает от тебя и заволакивает всю пакость...

Протянув руки, она подзывает Сиднея, тот подходит, и, тесно обняв друг друга, они начинают танцевать: он — почти оцепенев от смущения и восторга, она — крепко прижавшись всем телом к его телу и тем самым словно цепляясь за жизнь. Следующая картина должна по мере развития действия все больше и больше принимать нереальный характер. Сцена медленно и как можно незаметнее освещается призрачным, голубовато-мертвенным светом, который затем переходит в чувственный и жаркий ядовито-красный. Соответственно меняется музыка, и знакомые звуки джаза становятся неопределенными и неуловимыми. Голоса действующих лиц звучат неестественно и механично, чрезмерно громкие раздерганные реплики вырываются за пределы разумной связи, как будто в логике больше нет нужды. Перед зрителем разыгрывается абсурдистская оргия, на его глазах распадается реальность, распадается мир Сиднея Брустайна.

Так было, так есть, так будет — от века, отныне во веки веков!

Снова появляется Дэвид. Оглядываясь назад, он медленно спускается по лестнице. Остановившись в дверях, он смотрит, как словно в горячем бреду танцуют Сидней и Глория.

Сидней. Общество основано на соучастии в общем преступлении... Мы все страдаем от содеянного убийства, от убийства праотца, который взял всех женщин себе и прогнал сыновей. Поэтому мы убили его и, будучи канныбалами, сожрали его.

Дэвид. Ты наконец-то стал человеком, Сидней! Все мы теперь в одной тележке.

Сидней. Мы все виновны, следовательно, вина едина. Среди нас нет невинных, следовательно, никто не виноват. Если двое заодно — это уже тоталитаризм.

Сидней вырывается из объятий Глории и валится на диван, а место партнера Глории занимает Дэвид, который словно тает в ее протянутых руках.

Глория. Что бы ты сделал, если бы твой собственный отец, умирая... называл тебя шлюхой? Что бы ты сделал, м-м?

Сидней (*поднимаясь на диване, с торжественным жестом*). Нам только кажется, что цветы имеют запах, — это иллюзия!

Дэвид. Это убийственно — равняться на представления отцов, если хочешь знать.

Глория. Нет, дорогой мой. Если хочешь знать, убийственно *не* равняться на представления отцов.

Сидней (*поет*).

О-о-о-о-, о-о-о-о...

Вот каким образом сыр сгниет!

Вот таким образом сыр сгниет

Утречком в воскресенье!

Дэвид. Всякое стремление к приличию — самое неприличное из человеческих побуждений.

Сидней (*внезапно поднявшись, мощно*). Быть или не быть? (*Долгая пауза, он устремил пронзительный, палящий взор на зрителей — потом снова опрокидывается навзничь.*) А-а, лучше не спрашивать!

Сидней, Глория, Дэвид (*затягивают нестройным хором*).

Не пугает нас абсурд,

Нас абсурд, нас абсурд!

Сидней засыпает на диване, Дэвида останавливает долгий влажный поцелуй Глории, которая тут же отшатывается от него.

Дэвид (*чувствуя такое же облегчение, как и Глория, с бесконечной грустью*). Всю свою жизнь человек чего-то хочет, а пытаюсь мысленно восстановить тот момент, когда, как ему кажется, он впервые почувствовал это желание, он ничего не видит, кроме тумана... Мне было семь лет. Нельсону — ровно столько же. Мы были одногодки. Нам очень дружно жилось. Мы целыми днями играли у нас во дворе. У него были золотистые волосы и тонкий профиль... (*он мягко проводит пальцами по ее губам, притрагивается к волосам*) и мама всегда говорила: «Нельсон — настоящий аристократ».

Глория застывшим взглядом смотрит в пространство.

А потом как-то летом он с родителями уехал в Италию, во Флоренцию. Ведь аристократы могут делать что вздумается. Я больше не видел его.

Глория (*кивая с пьяным сочувствием*). И с тех пор ты ищешь его?

Дэвид. И ни разу не встретил.

Глория. Ну, а сейчас?..

Дэвид. Наверху у меня сидит прекрасный юноша с золотистыми волосами, очень похожий на Нельсона. Отпрыск старой родовитой семьи

из Новой Англии. Изысканнейшая натура. Но у него серьезная психическая травма...

Г л о р и я (*ее ничем не удивишь*). И ему нужно... чтобы была женщина... И не какая-нибудь, а молоденькая, свежая, с особым шармом... чтобы ему показалось, что она его круга...

Д э в и д. Именно так. Хотя... от нее ничего не требуется... Наверно, ему нужно... просто видеть ее.

Г л о р и я (*сочувственно поднимая брови*). Да-да... и ты — близкий друг Сиднея...

Д э в и д. Это не для меня, поймите. Если бы он попросил сейчас же, сию минуту достать снег с Гималаев, клянусь богом, я попытался бы это сделать! И я подумал, что... вы можете чем-нибудь помочь...

Г л о р и я (*до предела измученная*). О да... я могу помочь!

Д э в и д. Вы придете?

Г л о р и я (*молчит, потом говорит, но даже не ему, а самой себе*). Конечно... почему бы нет?

Д э в и д. Квартира 3-Ф.

Он выходит, поднимается по лестнице. Глория долго глядит ему вслед, затем быстро подходит к радиоле, увеличивает громкость, словно бы заглушая какой-то голос, слышимый только ею, и постепенно навязчивые, тоскливые хаотические звуки заполняют комнату. Она пытается танцевать, но у нее ничего не получается; она глотает таблетки, запивая их виски. Потом, шелкнув пальцами и слегка покачиваясь в такт музыке, она с застывшей улыбкой выходит из квартиры. Но на третьей ступеньке останавливается, охваченная физическим отвращением, которое не в силах сдержать, и круто поворачивает назад.

Г л о р и я (*слова ее сливаются в один гортанный крик боли*). Больных надо лечить!!! (*Глаза ее бегают, как у безумной, она что-то бормочет, словно попав в клетку и ища выхода. Но выхода нет. Наконец она замечает пузырек с пилюлями, она бредет назад и останавливается, обессиленная, в дверях. Потом — решительно.*) Папа... Я, наверно, все-таки лучше... слышишь? Прости меня...

Зажав в руке пузырек, подходит к двери в ванную, медлит, охваченная ужасом перед тем, что там, отворачивается, но тут же вскидывает голову и входит внутрь, закрыв за собой дверь. Сцена медленно темнеет. Звонит телефон. Сидней спит.

Затемнение

КАРТИНА ВТОРАЯ

На следующее утро.

В квартире сейчас холодная деловая атмосфера — полная противоположность тому, что было в предыдущей картине. Только что рассвело; голубовато-серый сумрак медленно рассеивается, и в конце картины сцена залита солнцем. Полицейский агент с блокнотом берет обычные показания у Айрис; она сидит в качалке лицом к зрителям, сгорбившись, в пальто, руки в карманах, глаза красные, смотрит перед собой невидящим взглядом. Плакат в окне кажется более назойливым, четким, властным, и несмотря на то, что его не замечают, он как будто здесь необходим. Дверь в ванную распахнута настежь.

П о л и ц е й с к и й. Возраст покойной?

А й р и с. Двадцать шесть.

П о л и ц е й с к и й. Ваша родственница?

А й р и с. Сестра.

П о л и ц е й с к и й. Профессия?

Входит Сидней, в пальто; на секунду останавливается в дверях, словно самый вид квартиры гнетет его. Полицейский агент покашливает и повторяет вопрос, стремясь поскорее отделаться.

Профессия покойной?

Сидней. Кажется, она пела в хоре.
Полицейский. Хористка, значит?.. (Записывает в блокнот.)

Айрис поднимает глаза, но молчит.

Сидней. Нет... нет, она была манекенщицей.
Полицейский (пряча блокнот). Так. Вы, конечно, знаете, будет следствие.

Айрис молчит. Сидней наконец кивает. Полицейский агент уходит.

Сидней. Я посадил их в такси. Фред сказал, что позвонит врачу и даст Мэвис снотворного. (Взволнованно шагает по комнате. Останавливается и смотрит на Айрис.) Ну не надо так, девочка... Поплачь. Ведь так еще хуже... (Видит на полу ленту, которая упала с головы Глории; он поднимает ее, стоит, глядя в ванную; затем с мучительно искаженным лицом оборачивается к жене. Долгая пауза. Потом беспомощно.) Может, хочешь чаю или чего-нибудь?

Айрис быстро и резко дергает головой: «Нет». У двери появляется Уолли, стучит, хотя дверь открыта. Входит, держа шляпу в руке, с огорченным видом. Сидней молча смотрит на него. Пауза. Потом — величественно:

Я вижу, Уолли, драма теперь осовременилась. Теперь деус экс махина не спускается с небес, чтобы разрешать — или разрушать сюжет, теперь он просто входит в дверь — в образе человека.

Уолли (к Айрис). Я узнал о... о твоей сестре. (Неуклюже, искренне.) Все слова тут лишние, правда? Но если я хоть что-то могу сделать...

Айрис никак не реагирует на это.

(Сидней, тихо.) Она совсем плоха, Сидней. Почему ты не вызовешь врача?

Сидней (с трудом сдерживается). Что тебе здесь нужно, Уолли?

Уолли. Ты, Сидней, ясное дело, считаешь меня первостатейным негодяем...

Сидней. Да нет, с некоторых пор я убедился, что мы веками раздували значение обыкновенных честолюбцев. Я считаю тебя довольно заурядным негодяем.

Уолли (криво усмехнувшись). Это приятно, верно, Сид? Очень приятно, когда можешь осуждать! Чужой грешок искупает все наши собственные преступления, так? Ну, так я тебе скажу одну истину, которую я понял уже давно...

Сидней (быстро, зло, словно затверженный урок). «Если хочешь выжить, качнись в ту сторону, куда качнется мир».

Уолли. Именно. Либо шагай в ногу, либо выходи из строя. Пойми ты, Сид, — неужели это тебе так трудно? — что я точно такой же, каким был год назад. Два месяца назад. Неделю назад. И я по-прежнему верю, что помогаю переделывать жизнь, но, представь себе, мне известно, что для того, чтобы в этом мире сделать хоть самую малость, младенец мой, надо знать, где сила. Так оно всегда было и всегда будет.

Сидней. Откуда тебе это известно?

Уолли (словно в этом доме нет границ наивности). Младенчик, я живу в этом мире — хочешь не хочешь, а многое познаешь.

Сидней (перебирая в пальцах ленту Глории, с тайной иронией). И к тому же... (тихо) «настоящие проститутки не мы, а другие».

Уолли (готовый ко всему). Ругань — последнее прибежище интеллигентов. Вы беситесь, а я действую. Поразмысли над этим, Сид. (Идет к окну.) Слушай, помнишь, как женщины требовали сделать переход со стоп-сигналом на углу Мэклин- и Уорри-стрит? Помнишь — петиции, демонстрации с детскими колясками и прочее? Ну так они получают свой переход. Это сделаю я. А не какой-нибудь мечтатель.

- И налажу уборку мусорных бачков, сделаю новую детскую площадку и еще много чего.
- Сидней *(с усмешкой)*. А торговля наркотиками? Тут какие будут реформы?
- Уолли *(быстро отмахиваясь)*. Это сложнее. Дело путаное. Нельзя же сразу все наскоком.
- Сидней *(быстро, порывисто)*. Понятно: мы перешагнем через трупы наркоманов, но поезд отойдет вовремя! *(Щелкает каблуками и лихо выбрасывает руку вперед в фашистском салюте.)*
- Уолли *(чуть закинув голову)*. Сказать по правде, я знал, что все будет именно так. Что ты будешь стоять вот с таким выражением лица, дымить сигаретой... преисполненный самодовольства, с видом оскорбленной невинности. Что ж, должен сказать одно, Сид...
- Сидней *(внезапно, без предупреждения — очная ставка. Настоящая)*. Они теперь хотят наложить лапу на мою газету, так ведь, Уолли?
- Уолли *(сбит с толку; он предпочел бы открыть огонь со своих позиций)*. Ты не понимаешь. Никто ничего не хочет... Слушай, я сказал, что тебя не купишь и нечего рассчитывать...
- Сидней улыбается и отвсечает кивком на каждую его фразу.
- Мне удалось втолковать им, что... В общем, все по-прежнему. Продолжай в том же духе, вот и все.
- Сидней. А, понятно! Значит — рецензии о выставках и спектаклях, миленькие фотоочерки: «Снегопад на причудливых улочках Гринвич-виллидж»...
- Уолли. Вот-вот!
- Сидней. А все прочее в мире — оставить вам?
- Уолли. Я тебя не подводил, Сид, ты сам себя подвел, и это тебе урок — сиди-ка ты в своих горах со своим банджо и книгами и не рыпайся.
- Сидней. А если я не уступлю?
- Уолли. Сидней, я говорю с тобой как друг.
- Сидней. А если я не уступлю?
- Уолли *(это у него вырывается почти невольно)*. Тогда твоя газета не продержится и полгода.
- Сидней *(с удивлением — искренним удивлением)*. Уолли, разве ты не знаешь, в какой дом ты пришел? На тебя не дохнула смерть, когда ты входил в дверь? Что с тобой, Уолли? Нынче ночью, пока я лежал на этом диване, как бревно, молодая женщина, которая пыталась согласиться с тем, с чем согласился ты, покончила с собой вон там, в ванной. Думаешь, эта ночь меня ничему не научила? Капитуляция в любом ее виде может *убить!* Каждый раз, когда мы говорим «живи и не мешай жить другим», — празднует победу смерть!
- Уолли. Ты что хочешь этим сказать?
- Сидней. Что я буду воевать с тобой, Уолли. Что ты вынудил меня занять позицию. Вынудил, в конце концов, хотя я этого меньше всего хотел. Мало быть просто *не за тебя*. Когда Глория отравилась... *(К Айрис.)* Прости, милая, я должен это сказать... Когда Глория отравилась, мне пришлось понять, что я — *против* тебя. И клянусь тебе, Уолли: я против тебя и всей твоей машины. А ты бы вот о чем потревожился: многие из нас сегодня опять выйдут на улицу. Только на этот раз — благодаря тебе — мы будем закаленнее, циничнее, жестче, нас труднее будет обмануть и поэтому труднее от отделаться.
- Уолли *(с пылом несправедливо обиженного)*. Слушай, да от тебя просто разит наивностью!
- Айрис *(вдруг поворачивается к нему)*. Вопрос в том, Уолли, чем разит от тебя.